

«о тенях, которые мерещатся читателям»,¹⁶⁴ желательно к тем местам текста, которые доказали свою способность быть неверно интерпретированными, делать примечания на манер старинных комментаторов: «не путать с тем-то!». Это противокоррозийные меры против неизбежного искривления смыслов, вплоть до превращения их в прямо противоположные, при будущих попытках реферирования научного комментария, фрагментарного цитирования, слияния вместе с альтернативными комментариями и другими формами утилитарного использования в массовой культуре и учебной рутине.

Итак, в будущем полном собрании сочинений предлагается комплексный комментарий, охватывающий разнофактурную группу параметров текста, регистрирующий все формы фрагментарного и трансмедийного бытия текста, причем текста как явления динамического, не равного самому себе на протяжении всего своего существования в читательском сознании. Этот комментарий призван подать произведение в его первоначальной свежести как событие в истории литературы, даровавшее «наслаждение текстом» читательским ожиданиям или шокировавшее первых читателей,¹⁶⁵ и одновременно осветить его как образец собственно классики, живущей именно в перечитывании.

¹⁶⁴ Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 132.

¹⁶⁵ См. некоторые примеры: Тименчик Р. Анна Ахматова и советский читатель // Русская литература. 2014. № 2. С. 190–206.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-85-118

«ВАША ОСИНКА ТРЕПЕЩЕТ ПОД МОИМ ОКНОМ...» ПЕРЕПИСКА А. А. АХМАТОВОЙ И М. С. ПЕТРОВЫХ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ М. С. ПЕТРОВЫХ
И КОММЕНТАРИИ © О. Е. РУБИНЧИК;

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ А. А. АХМАТОВОЙ © А. И. ГОЛОВКИНОЙ И © О. Е. РУБИНЧИК)*

Мария Петровых однажды процитировала слова Ахматовой: «У Маруси вторая стадия: я только не отвечаю на письма, а она уже и не распечатывает их».¹ Если бы это бонмо полностью соответствовало реальности, то для данной публикации не было бы никакого основания. Но за 33 года с момента знакомства, быстро переросшего в дружбу, Ахматова и Петровых все же послали друг другу по крайней мере 20 писем и телеграмм. 20 единиц — это лишь известная на сегодняшний день корреспонденция. Естественно предположить, что и писем, и телеграмм было больше. Три невыявленных письма к Петровых (одно — 1963-го, два — 1965 года) даже упомянуты в ахматовских записных книжках, впрочем, неясно, они только планировались или были

* Анастасия Ивановна Головкина — внучка и наследница М. С. Петровых, хранительница ее архива, создала домашний «Московский фонд Марии Петровых», частично представленный в Интернете: <https://vk.com/club139428597>. Сердечно благодарим за помощь в работе Н. И. Крайневу, А. Г. Каминскую, Р. Д. Тименчика, Ш. Ш. Ибрагимову, Д. В. Бобышева.

¹ Олышанская Е. «Какая радость — каждый истинный поэт!» // Петровых М. С. Черта горизонта: Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых / Сост. Н. Глен, А. Головачева, Е. Дейч, Л. Мкртчян. Ереван, 1986. С. 355.

посланы.² Как бы то ни было, сегодня мы имеем возможность опубликовать 5 писем и 5 телеграмм Ахматовой к Петровых и 2 письма, 8 телеграмм Петровых к Ахматовой.

3 сентября 1933 года двадцатипятилетняя поэтесса Мария Сергеевна Петровых (1908–1979), приехав из Москвы в Ленинград, пришла к Ахматовой в Фонтанный Дом — «пошла к ней («нагло», как сказала сама, знакомиться»):³ «Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое. „Ведомая“ — написал обо мне Н. Н. Пунин. Это правда. Пришла как младший к старшему».⁴ На следующий день Ахматова сама ее навестила.⁵ Л. Я. Гинзбург в дневнике 1933 года записала: «А. А. говорит, что всю жизнь с отвращением чувствовала себя врачом, который каждому пациенту говорит: „У вас рак, у вас рак, у вас рак...“ Но месяц назад к А. А. пришла московская девушка и прочитала, кажется, хорошие стихи. Это оголтелая романтика, какой давно не было, — явно талантливая».⁶

Молодая дерзость была еще не растрочена:

Суровым словом вызванные к жизни,
Ворчали и ворочались века.

И чудилось:

Стихи свои приносишь ты из края,
Где звезды негоревшие томятся,
Где сказки нерассказанные ждут.
Где чьи-то крылья бьются о решетку
И смерть сидит, зевая на луну...
(«История одного знакомства», 1929)

Когда я ошибкой перо окуну,
Минуя чернильницу, прямо в луну, —
В ползучее озеро черных ночей,
В заросший мечтой соловьиный ручей...

(«Муза», 1930)⁷

Так Петровых писала в то время. Ее первый муж, поэт П. А. Грандицкий, в 1934 году, вслед мандельштамовской «Мастерице виноватых взоров...», посвятил жене стихотворение «Демон грозный в тельце малом...».⁸ Но уже к концу 1930-х годов Петровых во многом другой человек и поэт:

Диво ль, что не громки мы, не прытки,
Нас кругом подстерегали пытки.
Снится ворон с карканьем вороньим.
Диво ль, что словечка не пророним...

(«Без оглядки не ступить ни шагу...», 1939)

² Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 318, 636, 740.

³ Ольшанская Е. «Какая радость — каждый истинный поэт!». С. 354.

⁴ Петровых М. С. Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. / Сост., подг. текста А. В. Головачевой, Н. Н. Глен; вступ. статья А. Гелескула. М., 1991. С. 369.

⁵ Ольшанская Е. «Какая радость — каждый истинный поэт!». С. 354.

⁶ Гинзбург Л. Ахматова (Несколько страниц воспоминаний) // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. А. Виленкина и В. А. Черных; комм. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. С. 137.

⁷ Петровых М. С. Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 213, 224.

⁸ Грандицкий П. А. Сердца свет: [Стихотворения, проза] / [Сост., вступ. статья, комм. М. П. Грандицкой]. М., 2003. С. 138.

И нет стекла, чтобы разрезать вены,
 Ни бритвы, ни надежды на побег,
 Ни веры — для того, кто верит слепо,
 Упорствуя судьбе наперекор,
 Кто счастлив тем, что за стенами склепа
 Родной степной кольшется простор,
 Скупой водой, сухой коркой хлеба
 Он счастлив — не убийца и не вор,
 Он верит ласточкам, перечеркнувшим небо,
 Оправдывая ложный приговор.

<...>

А нас еще ведь спросят — как могли вы
 Терпеть такое, как молчать могли?
 Как смели немоты удел счастливый
 Заранее похитить у земли?..
 И даже в смерти нам откажут дети,
 И нам еще придется быть в ответе.

(«Есть очень много страшного на свете...»,
 1938–1942)⁹

Удел немоты был дан и Петровых, и Ахматовой с лихвой: и долгие годы непечатания стихов, и периоды их написания. «Теперь никто не станет слушать песен. / Предсказанные наступили дни...» — сказала Ахматова еще в конце 1917 года.¹⁰ Отразился этот удел и на эпистолярии.

Нелюбовь Ахматовой к писанию писем (к самому процессу писания), осторожность по отношению к их содержанию и к их последующей судьбе, готовность уничтожить имеют сложный генезис — это началось еще до революции, в годы юности. Но конечно, время репрессий, перлюстрации и тотальной цензуры резко усилило эти проявления. В 1930–1940-е годы Ахматова не раз сжигала свой архив, тогда горели и письма. По-видимому, последним таким аутодафе следует считать произошедшее в ноябре 1949 года, вслед за последним арестом сына.¹¹ В годы после постановления ЦК КПСС от 14 августа 1946 года Ахматова практически не пишет ни писем, ни открыток, почти не посылает телеграмм. Исключение составляют письма и записки, связанные с хлопотами о Л. Н. Гумилеве. Ситуация начинает постепенно «размораживаться» только в 1951–1952 годах, когда Ахматова почувствовала себя увереннее: власти позволили ей стать профессиональной переводчицей, в мае 1952 года было восстановлено ее членство в Союзе писателей. Письма Ахматовой за немногими исключениями конспективны и лаконичны, с годами они все чаще стали напоминать записки. А к концу жизни, когда количество корреспонденции от друзей и читателей резко увеличилось, едва ли не главным эпистолярным жанром Ахматовой стала телеграмма. Так что пять писем к Петровых — это не так уж мало.

Писем же Петровых к Ахматовой перед нами всего два, причем во втором есть фраза: «Я столько написала Вам писем и ни одного не отправила...». Оба письма вызваны необходимостью, конкретными поводами: ахматовскими

⁹ *Петровых М. С.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 16, 17. На вопрос, каким образом Петровых хранила в годы репрессий опасные стихи, А. И. Головкина ответила: «Как это ни странно, рукописи этих стихов хранились просто у нас дома. Думаю, здесь сыграло роль отношение М. С. к своему собственному творчеству: ей казалось, что как поэт она настолько никому не интересна, что даже в случае преследований в ее поэтические тексты вчитываться никто не будет» (Из письма А. И. Головкиной к О. Е. Рубинчик 2021 года).

¹⁰ *Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. / Сост. и подг. текста М. М. Кралина. М., 1996. Т. 1. С. 138.

¹¹ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 667.

издательскими делами. Петровых многие годы помогала Ахматовой в подготовке к печати ее стихов и переводов, в переговорах с редакциями и т. п. О переводах пишет их общий друг Ника Николаевна Глен: «...в этой области Мария Сергеевна была, так сказать, старшей, ведущей, а Анна Андреевна — ведомой, беспрекословно принимавшей преимущество опыта и мастерства Петровых-переводчицы».¹² «В переводы лир <ических> стихов Ан. Ан. не верила, — писала Петровых в дневнике. — Она ведь в переводе была буквалисткой. Она переводила много, но переводчицей никогда не была»; «И в этом деле (в переводческой работе. — О. Р.), как и во всем, — доверие Анны Андреевны я воспринимала как большую оказанную мне честь. Анна Андреевна иногда советовалась со мной по поводу переводов. Мне хотелось, чтобы Анна Андреевна освободилась от излишнего буквализма, который иногда ее сковывал. <...> Не знаю, помогла ли я хоть сколько-нибудь Ахматовой. Думаю, что она сама, совершенно помимо тирад моих, пришла к убеждению, что надо ради главного поступаться второстепенным, не решающим. По моим наблюдениям, Ан. Ан. переводила легче, естественнее, когда текст ей нравился...»¹³

При жизни Ахматовой не афишировалось, но сегодня известно, что некоторые переводы делала не она, а кто-нибудь из ее ближайшего окружения, или они делались совместными силами. Вот, к примеру, ответ Глен на вопрос об авторстве ахматовских переводов: «...тут ничего окончательно утверждать нельзя. Действительно, Ахматова часто ставила свою подпись под чужими переводами. Причины могли быть разными. В случае с Анатолием Найманом — чтобы ему помочь: у него тогда не было литературного имени, а ему нужна была работа. Гонорар получал он. Иногда ей предлагали работу, а она не могла ее взять, но и отказываться боялась: в следующий раз не предложат. Тогда она брала кого-то в соавторы. Гонорар получал тот, кто работал».¹⁴ Из письма А. И. Головкиной к О. Е. Рубинчик: «С переводами Ахматовой Мария Сергеевна помогала главным образом как редактор. Было несколько случаев, когда М. П. сделала перевод полностью. Об этом я слышала и от мамы,¹⁵ и от Екатерины Сергеевны Петровых (Чердынцевой), и от ее дочери Ксении Викторовны Чердынцевой. Но об этом говорили только в семейном кругу, широко это никогда не обсуждалось, и я не знаю, о каких произведениях шла речь».

¹² Глен Н. Н. Анна Ахматова и Мария Петровых [Доклад. Был прочитан Глен на Всесоюзной научной конференции «Анна Ахматова. Труды и дни», состоявшейся 26–28 июня 1989 года в Ленинграде]. С. 3. Машинопись из домашнего архива Н. Н. Глен. Ныне хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Текст, по-видимому, не публиковался. Цит. по ксерокопии из личного архива О. Е. Рубинчик. Петровых переводила поэзию народов СССР и социалистических стран. Как это было широко принято, переводы выполнялись с помощью подстрочников. А. И. Головкина в письме О. Е. Рубинчик сообщает: «Мария Сергеевна в сущности не владела ни одним иностранным языком. Благодаря гувернанткам из прибалтийских немцев в детстве она неплохо овладела немецким, но в дальнейшем никак не углубляла свои знания. Находясь в эвакуации в Чистополе, при заполнении учетной карточки члена Союза писателей Мария Сергеевна в графе „Иностранные языки“ написала: „Немного французский“. Возможно, французский был в школе, либо же она какое-то время занималась им сама. У меня создалось впечатление, что Мария Сергеевна не имела большой склонности к иностранным языкам. Она обожала русский и считала, что нет на земле языка богаче русского». По замечанию В. Адмони, «посредничество подстрочников с обозначением ритмического рисунка <...> оказывалось достаточным, чтобы <...> поэзия раскрывалась перед ней в своей истинной, внутренней сути» (Адмони В. «Вы запомнились сестрою дальней...» // Петровых М. С. Черта горизонта. С. 204).

¹³ Петровых М. С. Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 366–367.

¹⁴ Из беседы, кратко записанной О. Е. Рубинчик 27 апреля 1997 года. Машинописная перепечатка беседы хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и в домашнем архиве О. Е. Рубинчик.

¹⁵ Мама — Арина Витальевна Головачева, дочь М. С. Петровых и ее второго мужа Виталия Дмитриевича Головачева (1908–1942), библиографа и музыковеда, погибшего в лагере.

Петровых помогала Ахматовой не только в издательских делах. Э. Г. Герштейн вспоминает, что, когда в 1949 году Л. Н. Гумилев после ареста был отправлен в Москву, Ахматова раз в месяц приезжала сюда, «передавала в окошко Лефортовской тюрьмы 200 рублей и получала расписку. Она просила меня запомнить, что эти деньги ей давала М. С. Петровых».¹⁶ В домашнем архиве Петровых сохранился ахматовский сборник «Из шести книг» (Л., 1940) с дарственной надписью: «Другу в радости и / в горе, светломu гостю / моей жизни / Марии Петровых / Ахматова / с любовью / 9 мая 1959 / Москва».¹⁷

Со своей стороны, и Ахматова стремилась помогать Петровых, насколько это было в ее силах. «Ахматова бесспорно владела даром дружбы, — свидетельствует Д. Е. Максимов. — Она поддерживала долгие и прочные дружеские связи с близкими ей людьми. И она старалась, как могла, быть им полезной».¹⁸ «...Марию Сергеевну привела к Мандельштамам Ахматова, — пишет Э. Г. Герштейн. — Это было еще осенью (1933 года. — О. Р.), когда Ахматова ненадолго приезжала в Москву. А в более длительный февральский приезд (в 1934 году. — О. Р.) она ввела Марию Сергеевну в свой избранный московский литературный круг».¹⁹ Цена стихи Петровых, Ахматова старалась вывести их из безвестности. В разговорах с друзьями, в интервью, включая заграничные, она постоянно вставляла имя Петровых в перечни лучших, на ее взгляд, современных русских поэтов, наряду с Арсением Тарковским, Давидом Самойловым, Семеном Липкиным, Владимиром Корниловым²⁰ — иногда назывались и другие имена. Вяч. Вс. Иванов вспоминает: «О трех современных поэтах — Тарковском, Петровых, Липкине — Анна Андреевна сказала, что им очень не повезло: в другое время у них были бы свои школы, их бы переводили. По этому поводу она заговорила о целом поколении — десятилетия, „которому слишком рано сделали кровопускание“».²¹ Ахматова заставляла Петровых читать свои стихи; так, 17 июня 1964 года Л. К. Чуковская записала: «Впервые в жизни возвращаюсь от Анны Андреевны, твердя вновь услышанные строки — не ахматовские <...> сколько раз и сколько лет уж Самуил Яковлевич (Маршак. — О. Р.) и Анна Андреевна говорили мне о поэзии Петровых. <...> Мне и не читала никогда и не показывала. <...> Мария Сергеевна поднялась, прощаясь. Я тоже. Анна Андреевна обоих нас проводила до дверей и сказала вслед:

— Маруся, прочтите Лидии Корнеевне стихи. Не спорьте. Я вам велю. Слышите?

Мария Сергеевна не ответила. Мы вышли во двор. Сели на ближайшую скамью. <...> докурив папиросу, она *сама* начала читать.

— Я могу только наедине, из души в душу, — пояснила она».²²

С подачи Ахматовой Глен записала чтение Петровых на магнитофон: «Анна Андреевна <...> попросила Марию Сергеевну прочесть „Осинку“ — так Ахматова называла „Дальнее дерево“. Про это стихотворение она говорила, что дерево в нем „с каждой строкой все больше похоже“ на саму Марию

¹⁶ Герштейн Э. Мемуары и факты (Об освобождении Льва Гумилева) // Горизонт. 1989. № 6. С. 56.

¹⁷ Первая публикация автографа (в фотокопии): *Мкртчян Л.* Анна Ахматова. Жизнь и переводы. Егвард, 1992. С. 67.

¹⁸ Максимов Д. Е. Об Анне Ахматовой, какой помню // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 112.

¹⁹ Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 419.

²⁰ См., например: *Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 495.

²¹ Там же. С. 487.

²² Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 234–235.

Сергеевну. Запись эту использовал в подготовленной им пластинке Марии Петровых Л. А. Шилов...»²³

Дальнее дерево

От зноя воздух недвижим,
Деревья как во сне.
Но что же с деревом одним
Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
Оно дрожмя дрожит...
Что это — страх или тоска,
Тревога или стыд?

Что с ним случилось? Что могло б
Случиться? Посмотри,
Как пробивается озноб
Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
Не знаю почему.
Там сходит дерево с ума,
А что с ним — не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
И память гонит прочь?
Иль что-то вспомнить, может быть,
Но вспоминать невмочь?

Трепещет, как под топором,
Ветвям невмоготу, —
Их лихорадит серебром,
Их клонит в темноту.

Не в силах дерево сдержать
Дрожащие листки.
Оно бы радо убежать,
Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более, чем я сама,
Оно понятно мне.

1959²⁴

Это стихотворение было так дорого Ахматовой, что одно из деревьев на участке своей «Будки» (дачи, данной ей от Литфонда в Комарове) она считала осинкой Марии Сергеевны и писала об этом деревце ей в письмах. Другое высоко ценимое Ахматовой стихотворение Петровых — «Назначь мне свиданье на этом свете...» (1953) — она не раз называла «одним из шедевров русской лирики XX века».²⁵ «Мария Петровых — один из самых глубоких и сильных

²³ Глен Н. Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 636.

²⁴ Петровых М. С. Черта горизонта. С. 85.

²⁵ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 680.

поэтов наших, — говорила Ахматова Чуковской. — <...> А ей всю жизнь твердили: вы — не поэт. Она поверила. У нее теперь психоз: нигде не читать свои стихи и никому не давать печатать их. Даже когда предлагают, просят».²⁶ Записные книжки Ахматовой показывают, как она пыталась переломить эту ситуацию. Дважды — в январе 1964 года и в августе 1965-го — она указывает Петровых среди нескольких поэтесс, которые, по ее мнению, должны выступить в «женском номере» «устного альманаха», а 3 марта 1964 года записывает: «Звонить / <...> / Марусе (о ее вечере)...».²⁷ Реализовать эти замыслы не удалось. Но сама вера Ахматовой в Петровых как в поэта, конечно, значила для Марии Сергеевны очень много.

У Петровых есть посвященные Ахматовой стихотворения: «День изо дня и год из года» (1962) и «Ты сама себе держава» (1963); стихи, с нею связанные: «Ахматовой и Пастернака...» (1962), «Плач китежанки»²⁸ (начало 1960-х годов), «Ни ахматовской кротости...» (1967), «Болельщик» (1970); стихи, содержащие переключки с ахматовскими: «Постылых „ни гугу“...», «Пустыня, замело следы...» (1971) и др. При этом следует согласиться с мнением Глен: «Несмотря на то, что Петровых и знала, как знали немногие, стихи Ахматовой, и преклонялась перед ее гением, несмотря на связывавшую их человеческую близость, в стихах Петровых нет <...> следов прямого влияния или подражания <...> Петровых не принадлежит к числу тех, кого Ахматова „научила говорить“...».²⁹

Об Ахматовой и Петровых уже немало написано, так что отсылаем читателя к опубликованному³⁰ и возвращаемся к переписке.

Хотя их общение длилось более тридцати лет, представленные письма и телеграммы относятся только к 1956 (?) — 1964 годам. Почему? Можно предположить, что более ранняя корреспонденция Петровых пропала у Ахматовой во время войны и переездов или была сожжена ею вместе с остальным архивом. Но сама Петровых, по свидетельству А. И. Головкиной, свой архив берегла, так что почтовые весты от Ахматовой, если бы они существовали,

²⁶ Там же. Т. 3. С. 258 (запись от 15 ноября 1964 года).

²⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 426, 440, 653. Вероятнее всего, замыслы были связаны с так называемой «Устной библиотекой поэта»: «В 1964 году во Всероссийском театральном обществе удалось осуществить то, что на протяжении многих лет не удавалось осуществить в Союзе писателей. Было положено начало „Устной библиотеки поэта“. Среди задач этой необычной библиотеки была и такая: показать слушателям то, что сокрыто в запасниках современной поэзии. Первым выпуском был Арсений Тарковский <...>. Одним из ранних выпусков нашей библиотеки стал выпуск „говорящей книги“ Семена Липкина. Это сделано по подсказке Анны Андреевны и с ее благословения. <...> На этом выпуске присутствовала Анна Андреевна Ахматова. <...> Вечер прошел на славу, и Анна Андреевна тихо сказала мне об этом и благословила наши выпуски „Устной библиотеки поэта“» (*Озеров Л.* Разрозненные записи // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 599).

²⁸ Ср. со стихотворением Ахматовой «Уложила сыночка кудрявого...» (1940) и поэмой «Путем всея земли» («Китежанка», 1940).

²⁹ Глен Н. Н. Анна Ахматова и Мария Петровых. С. 2.

³⁰ Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 69–70 и др.; Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 680–682 и многие др.; Герштейн Э. Г. Мемуары. С. 418–423 (глава «Маруся»), 55 и др.; Петровых Е. С. Мои воспоминания // Моя родина — Норский посад; сб. / Ред. и подг. текстов А. М. Рутмана, Л. Е. Новожиловой; комм. Г. В. Красильникова, А. М. Рутмана. Ярославль, 2005. С. 154–155 (гл. «Анна Андреевна Ахматова»); Ахметдинова С. Ю. «Неразлучимы имена...»: Анна Ахматова и Мария Петровых // Женщины Ярославля: история и современность: материалы конф. Ярославль, 2004; Позднякова Т. С. «Их связь таинственно ясна...» (Материалы М. С. Петровых в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме) // «О, какая родина вокруг!..»: К 110-летию со дня рождения М. С. Петровых (1908–1979) / Отв. ред. и сост. С. Ю. Ахметдинова, О. Н. Скибинская. Ярославль, 2018; Скибинская О. Н. Мария Петровых: ярославские проекции. Ярославль, 2020. С. 434–436, 446–449, 451–452, 495, 471–473, 487–489 и др. Перечень можно продолжить.

должны были сохраниться.³¹ По всей видимости, переписки либо не было, либо она была минимальной. И причина тому не перерывы в дружеских отношениях — очевидных перерывов не было. «Особенно близки стали отношения Ахматовой и Петровых в послевоенные годы, — свидетельствует Глен, — а после 50-го года, когда Мария Сергеевна получила квартиру на Хорошевском шоссе, Анна Андреевна не раз останавливалась и подолгу жила у нее».³² Причина отсутствия корреспонденции — в личных свойствах обеих поэтесс, свойствами, в значительной мере сформированных историческими обстоятельствами. «...Я только не отвечаю на письма, а она уже и не распечатывает их» — это не просто эффектная фраза Ахматовой, не шутка. Вполне всерьез Ахматова говорит о том же в письме к Герштейн от 1 августа 1958 года: «Где Маруся и как ее здоровье? Я не пишу ей, потому что вообще не могу писать, а еще потому, что она не может распечатывать письма (это следующий этап нашего с ней заблуждения), но люблю ее и постоянно вспоминаю».³³ И. Л. Лиснянская разъясняет в своих мемуарах: «...Мария Сергеевна <...> не может письма в одиночестве распечатывать и, если Ариши нет дома, зовет кого-нибудь <...> я <...> видела несколько раз почти лишившая всех красок ее лицо и лихорадочный взгляд, когда по ее зову, год прожитая неподалеку, распечатывала ее конверты и вспоминала ее строку: „Я получала письма из-за гроба“. <...> после прочтения письма постепенно возвращаются мягко-акварельные краски к лицу Петровых...»³⁴

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата.
Я потеряла друга, мужа, брата,
Я получала письма из-за гроба...

1967³⁵

В послесталинское время, в особенности с момента оттепели, писать друг другу стало психологически легче. К тому же появились конкретные и нетолжные поводы: в Москве в Гослитиздате³⁶ и в журналах стали выходить

³¹ «Свой архив Мария Сергеевна не жгла, но какую-то его часть отдала в 1930-е годы на хранение Петру Алексеевичу Грандицкому. Так он в этой семье и остался. <...> Мария Сергеевна вообще ничего не уничтожала. Даже старые телефонные книжки и те хранила» (из письма А. И. Головкиной к О. Е. Рубинчик 2021 года).

³² Глен Н. Н. Анна Ахматова и Мария Петровых. С. 3. Новое жилье было выделено Союзом писателей, до этого Петровых жила в коммунальной квартире (Скибинская О. Н. Мария Петровых: ярославские проекции. С. 420). «Двухэтажный домик, в котором жила Мария Сергеевна, <...> утопал в зелени: это был один из десятка совершенно тождественных коттеджей, построенных пленными немцами на углу Беговой и Хорошевки, — писательский поселок, загород в городе. Деревья, кусты, лужайки, беседки; деревянная лестница на второй этаж; одна комната очень светлая, другая очень темная» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 71). Мария Сергеевна получила возможность приглашать Ахматову пожить с 1952 года, после смерти своей матери. «Обхаживать Анну Андреевну в беспорядочной квартире и без всякого умения хозяйствовать ей было трудно, — считает Д. С. Самойлов. — Да и вообще нелегко, наверное, было жить рядом с Ахматовой. Но Мария Сергеевна старалась и только как-то вскользь пожаловалась: трудно. Она относилась к Ахматовой с восхищением и громадной любовью. Та говорила о ней с нежностью» (Самойлов Д. С. Наброски к портрету // Петровых М. С. Черта горизонта. С. 337).

³³ Герштейн Э. Г. Из воспоминаний. Письма Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1989. № 65. С. 263.

³⁴ Лиснянская И. Хвастунья // Знамя. 2006. № 1. С. 43.

³⁵ Петровых М. С. Черта горизонта. С. 100.

³⁶ Гослитиздат — крупнейшее литературное издательство советского времени. Его история восходит к «Государственному издательству РСФСР» (Госиздату) — первому крупному советскому издательству, которое было создано в 1919 году. На базе его литературно-художественного сектора и издательства «Земля и фабрика» в 1930 году возникло Государственное издательство

переводы и стихи Ахматовой, а в издательских делах Петровых была для нее одной из главных помощниц. Корреспонденции, как уже говорилось, могло быть и больше — возможно, когда-нибудь она будет обнаружена. Это тем вероятнее, что почти на все письма и телеграммы нет ответов, лишь на две ахматовские телеграммы — два телеграфных же ответа Петровых. Но некоторые (поздравительные) телеграммы обязательного ответа не подразумевали. Кроме того, Ахматова и Петровых зачастую имели возможность созваниваться. Надо лишь учитывать, что в телефонных разговорах, как и в переписке, были свои ограничения. Общеизвестно, что Ахматова по телефону говорила обычно лаконично — по мнению Глен, «и из некоторого трогательно старомодного отношения к технике <...>, и, главное, потому, что допускала, что телефонные разговоры прослушиваются».³⁷ А о Петровых свидетельствует А. И. Головкина: «Насколько я знаю, квартира на Беговой была с телефоном изначально. Писательский дом все-таки. <...> Но серьезных разговоров Мария Сергеевна по телефону не вела, потому что не без основания полагала, что ее прослушивают. Однажды к ним в квартиру пришел незванный „телефонный мастер“ якобы для проверки связи. Раскрыл аппарат и что-то туда вставил. Мария Сергеевна наивно спросила: „А что вы туда поставили?“ — „Что надо, то и поставили“».

В 1950–1960-е годы Ахматова все больше времени проводила в Москве (в некоторые годы гораздо больше, чем в Ленинграде) — и тогда переписка была ни к чему, они часто виделись.

20 мая 1963 года Ахматова записала: «Вчера была Маруся. Как всегда чудная, умная и добрая. Я никогда не устану любоваться ею, как она сохранила себя — откуда эта сила в таком хрупком теле».³⁸ В последний раз, по-видимому, Петровых навещала Ахматову 27 февраля 1966 года,³⁹ за шесть дней до ее смерти.

Боже правый, ты видишь
Эту злую невзгоду.
Ненаглядный мой Китеж
Погружается в воду.
<...>
Затонул, мой великий.
Стало оглядь безмолвно,
Только жаркие блики
Набегают на волны.

(«Плач китежанки»)⁴⁰

художественной литературы (ГИХЛ), которое с 1934 года стало называться Гослитиздатом, а с 1963 года — «Художественная литература». Несмотря на переименование издательства, в 1963–1965 годах на титулах книг продолжало фигурировать название «Государственное издательство художественной литературы». Издательство находилось в Москве, но имело отделение в Ленинграде (см.: Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 487; и др.). Издательство «Художественная литература» существует и сейчас.

³⁷ Глен Н. Вокруг старых записей. С. 634.

³⁸ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 368.

³⁹ Там же. С. 712–713.

⁴⁰ Петровых М. С. Черта горизонта. С. 88–89.

1

ЛЕНИНГРАД УЛИЦА КРАСНОЙ
 КОННИЦЫ 4 КВАРТИРА 3
 АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ

2 МСК / 251 МОСКВЫ 83 73 31 24 1236 =

= СЕРДЕЧНО ВАС ПРИВЕТСТВУЮ ЖАЛЕЮ ЧТО СЕГОДНЯ Я НЕ С ВАМИ!
 ОЧЕНЬ ВАС ЖДУ КОТОВ ОБЕЩАЛ ЭММЕ ГРИГОРЬЕВНЕ РАБОТУ² ПРО-
 СИЛ ЗАЙТИ = МАРУСЯ —

Телеграмма от 24 июня 1956 (?) года. Улица Красной Конницы ныне — Кавалергардская. Здесь и далее в публикации число указывается в соответствии с данными на лицевой стороне телеграммы, год и месяц — по штемпелю, если таковой имеется и поддается прочтению. Почти все письма и телеграммы Ахматовой к Петровых находятся в домашнем архиве М. С. Петровых. Иные источники ахматовских эпистолярных текстов оговариваются в комментарии. Место хранения писем и телеграмм Петровых к Ахматовой: РНБ. Ф. 1073 (фонд А. А. Ахматовой). Без ед. хр. Тексты обоих корреспондентов приведены к соответствию с современными нормами орфографии и пунктуации.

¹ Телеграмма послана в день рождения Ахматовой. А. Г. Найман вспоминает: «...она писала в автобиографии: „Я родилась 11 (23) июня“, а праздновала, как правило, 23-го и 24-го, прибавляя к дате рождения по старому стилю то 12 дней, поскольку оно случилось в прошлом веке, то 13 — поскольку отмечалось в тот же день уже в новом» (*Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. С. 54).

² Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002) — литературовед, специалист по М. Ю. Лермонтову и А. С. Пушкину, автор воспоминаний об Ахматовой, Л. Н. Гумилеве, О. Э. Мандельштаме и др. (см., в частности: *Герштейн Э. Г.* Мемуары), автор ряда литературоведческих работ об Ахматовой. Герштейн познакомилась с Ахматовой в 1934 году, принадлежала к числу ее друзей, была неизменной помощницей в хлопотах об освобождении Л. Н. Гумилева. Бытовая и профессиональная неустроенность Герштейн была предметом ахматовского волнения и заботы. Так, в августе 1956 года Ахматова в сопровождении Чуковской ездила в Переделкино к К. И. Чуковскому и К. А. Федину, чтобы «добыть для Эммы Григорьевны рекомендацию в Литфонд» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 219). Сохранилась машинописная копия ахматовской рекомендации Герштейн в члены Союза писателей (1962) (РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 689. Л. 1). Здесь же (л. 2) — рекомендация Чуковского от 8 августа 1962 года: «Рекомендовал я ее: К. Паустовский, С. Маршак, Виктор Шкловский, К. А. Федин, Иракий Андроников, и никак невозможно понять, почему вопрос о ее принятии в члены Союза затанул до настоящего времени. <...> Горячо (в третий раз) рекомендую Эмму Григорьевну Герштейн в члены Союза писателей...». Герштейн была принята в Союз писателей лишь в 1965 году. По-видимому, Ахматова хлопотала о Герштейн и через Петровых, поскольку Мария Сергеевна была многолетним сотрудником Гослитиздата, директором которого в 1948–1956 годах был упомянутый в телеграмме литературовед Анатолий Константинович Котов (1909–1956). Из предисловия К. Симонова к книге статей Котова: «Я знал его на протяжении многих лет по его работе в Государственном издательстве художественной литературы. Первые наши встречи относились к 1933 году, когда я, восемнадцатилетним парнем, рискнул притащить свои первые стихи в литературную консультацию ГИХЛа, где вместе с другими добрыми людьми работал еще совсем молодой, двадцатичетырехлетний, начинающий тогда редактор — Анатолий Константинович Котов. <...> В книге отдало немало страниц не только Короленко, а и другим писателям, но <...> Короленко был главной любовью Котова как критика, как исследователя, да и, по-моему, просто как человека определенного склада души и определенных взглядов на жизнь. <...> в собственной жизни и работе ему хотелось следовать нравственному примеру того писателя, которого он любил и произведения которого исследовал с завидным постоянством» (*Котов А. К.* Статьи о русских писателях. М.: Гослитиздат, 1979. С. 3–4). «Я пришла к Котову за работой. <...> он не скрывал радости, что наступили новые времена <...> Когда я сдавала перевод, Котова уже не было в живых. Люди, пережившие великую эпоху и сохранившие человеческие черты, пачками умирали от инсультов и инфарктов. Я лишилась защитника...» (*Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 2001. С. 107, 108, 111). О какой именно работе для Герштейн идет речь в телеграмме Петровых, неизвестно. Едва ли Котов сумел выполнить свое обещание: 23 ноября 1956 года его не стало (см.: <http://www.vvedenskoe-grave.narod.ru/uch/12/kotov.htm>; дата обращения: 30.09.2021).

2

Ленинград.
12 марта <1957 года>

Маруся,

чувствую себя безмерно виноватой перед бедным редактором, которого я так безобразно подвела.¹ Но мне пришлось долго возиться с большими Лево² и Аней,³ а я сама была совсем плохая.⁴ Сейчас сдаю Франко.⁵ Сегодня Лева, наконец, получил комнату.⁶ Привет Маршаку.⁷ Сейчас читала переводы Липкина⁸ в «Лит<ературной> газ<ете>».⁹ Без Вас мне всегда скучно. Целую.

Ваша Ахматова.

Приеду после 20-ого, если буду жива.¹⁰

А.¹¹

¹ Речь идет об одном из этапов подготовки книги Ахматовой «Стихотворения» (М.: Гослитиздат, 1958). Петровых была в числе нескольких друзей, помогавших Ахматовой в работе над этим сборником. Волокита с первой после ждановского постановления ахматовской книгой длилась с 1951 года. В зависимости от политической ситуации менялись ее название и состав: первоначально предполагался выпуск сборника «Слава миру!», затем — сборника «Избранное». Вехи прохождения книги см. в издании: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2016. С. 534–635. После XX съезда партии (февраль 1956 года) возникли надежды на новые возможности; в июне первый секретарь Союза писателей СССР А. А. Сурков написал Ахматовой, что назрело время переиздать ее стихотворения; «Вот если бы вы составили мою книгу!» — сказала Ахматова Чуковской (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 214–215; дальнейшую историю прохождения книги см. в этом томе по с. 333). 19 февраля 1957 года с Гослитиздатом был заключен договор на выход издания, рукопись была представлена (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Ахматовой. С. 613), но это не означало завершения работы над составом сборника, поскольку его «проходимость» оставалась проблемой. 3 марта 1957 года Н. Я. Мандельштам писала Ахматовой, что курировавший издание Сурков «посоветовал не добавлять ничего в книгу, чтобы ускорить ее выпуск. <...> Он говорил, что это задержка, а надо спешить, чтобы наконец вышла книга и была пробита „брешь“. Они сейчас добрые — вот смысл его слов» («В этой жизни меня удержала только вера в Вас и в Осю...» Письма Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка, подг. текстов и комм. Н. И. Крайневой // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 98). Редактором сборника был многолетний сотрудник Гослитиздата Лука Осипович Белов. В одной из заметок 1958 года Ахматова писала о книжке: «...простодушный Белов сказал про нее: „Такая маленькая, а столько с ней мучения!“» (*Ахматова А. А.* Победа над Судьбой: В 2 т. / Изд. подг. Н. Крайневой. М., 2005. Т. 1. С. 70; *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы: В 2 т. 2-е изд., испр. и расширенное. Иерусалим; М., 2014. Т. 1. С. 143–144, 512; Т. 2. С. 226). Книга вышла 5 ноября 1958 года под общей редакцией А. А. Суркова, редактор — Л. О. Белов. «С Ахматовой его (Суркова. — О. Р.) связывали долгие и не схематичные: начальник — подчиненная — отношения. Он напечатал цикл ее верно-подданных стихов после Постановления и второго ареста сына («Слава миру!» — О. Р.) — и он же искал ее одобрения своим стихам, говоря о себе: „Я — последний акмеист“. Он издал после многолетнего перерыва первый со времени Постановления сборник ее стихотворений, прозванный по причине темно-красного переплета и „официального“ шрифта „Манифестом коммунистической партии“, — жутковатую книжку, со стихами о мире (которые она, даря экземпляр, заклеивала автографами других своих стихотворений), с многочисленными безликими ее переводами, — но издал» (*Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. С. 183–184).

² Сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — специалист по истории народов Центральной Азии, доктор исторических наук, защитил также докторскую диссертацию по географии, но степень не была утверждена ВАК. Четырежды арестовывался, в общей сложности провел в тюрьмах и лагерях около пятнадцати лет. Л. Н. Гумилев писал о своем последнем лагере, откуда вернулся в мае 1956 года: «Все эти 7 лет я жил впроголодь; настолько впроголодь, что у меня сейчас язва 12-перстной кишки, а это очень болезненно» (из письма О. Н. Высоцкому от 13 ноября 1957 года, цит. по: *Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. М., 2014. С. 290). Из письма Л. Н. Гумилева Э. Г. Герштейн, 1 марта 1957 года: «Мама <...> с нею чудо. Она опять такая хорошая и добрая, как 20 лет тому назад. Веселая и остроумная. Я просто счастлив. Она за мной ухаживает и кормит диетой» (*Герштейн Э. Г.* Мемуары. С. 473).

³ Каминская Анна Генриховна (1939–2022) — искусствовед, внучка третьего мужа Ахматовой Николая Пунина, с семьей которого Анна Андреевна продолжала жить и после развода с ним,

до конца жизни, автор ряда работ об Ахматовой и Пунине. О привязанности Акумы-старшей к Акуме-младшей (домашние имена обеих) говорят многие мемуаристы. Поэт Виктор Кривулин, знавший Ахматову с начала 1960-х годов, вспоминает: «...она очень зависела от Ани Пуниной, как ни странно. От „молодежи“, как она говорила. Для нее мнение Ани относительно молодой поэзии или вообще нового искусства, похоже, было решающим. Анна Андреевна к ней была привязана» (*Кривулин В. Б.* Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., комм. О. Е. Рубинчик; введение Н. И. Поповой, О. Е. Рубинчик. СПб., 2001. С. 24). Из воспоминаний филолога Е. А. Пазухина о встрече с Ахматовой в начале 1960-х годов: «...красавица Аня. Анна Андреевна относилась к ней как к внучке, потому что она узнавала в ней свою молодость» (Там же. С. 108, прим. 19). А. Г. Каминская вспоминает о том, как Ахматова заботилась о ней в детстве: «Я была целиком брошена на Анну Андреевну. Все работали, она одна была дома. Она меня провозила в школу, особенно в первом классе. Через Невский надо было переходить. А кто встречал, не помню. Я ходила очень часто с Анной Андреевной к Л. Я. Рыбаковой, к Л. Я. Гинзбург <...> Акума любила бывать у кого-то. Не только из своих интересов, ради бесед: в гостях нас подкармливали, она брала меня, чтобы меня подкормить»; «Когда я пошла в первый класс в 1948 или в 1947 году, она себя записала бабушкой. Чтобы меня не забрали в больницу, когда я болела скарлатиной: бабушка не работает, может ухаживать. Скарлатина была на ноябрьские праздники, на майские — корь. Во время скарлатины у меня была еще ветрянка. Акума говорила: „Настоящая оспа“. Она мазала мне каждую штучку марганцовкой. Ей нравилось, что рядом кто-то маленький. И еще она любила хвастаться-не хвастаться — демонстрировать, особенно перед Николаем Николаевичем, какая она бабушка» (из записи телефонных разговоров А. Г. Каминской с О. Е. Рубинчик, 2020). Заботиться о «внучке», как и о других членах своей семьи, Ахматова продолжала и впоследствии. Ср. ее письма к И. Н. Пуниной из Москвы. От 22 января 1957 года: «Посылаю тебе доверенность на почтовые деньги. Купи хорошие чулки Акуму младшему, заплати за квартиру и т. д. Остальные Леве, если ему нужно» (Из семейной переписки А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка и прим. Л. А. Зыкова // Звезда. 1996. № 6. С. 143). От 25 января 1957 года: «Найми кого-нибудь, чтобы подогнать Акумца по-французски — заплачу. Скажи Леве, что я его умоляю меньше работать по вечерам и вообще поберечь голову. Где он обедает?» (Там же. С. 144).

⁴ См. ахматовские пояснения в следующем письме.

⁵ Договор на перевод большого цикла стихотворений «Увядшие листья» украинского поэта и прозаика Ивана Яковлевича Франко (1856–1916) был заключен Ахматовой с издательством «Советский писатель» 30 октября 1956 года (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 606). Перевод цикла, наряду с другими ахматовскими переводами Франко, вошел в издание: *Франко И. Я.* Стихотворения и поэмы. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.). Подробно о работе Ахматовой над переводом цикла вспоминает составитель издания, см.: *Гоzenлуд А. А.* Неувядшие листья // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л., 1990. Переводы Франко и комментарии к ним Н. В. Королевой см. в издании: *Ахматова А. А.* Собр. соч.: В 6 т. (и два дополнительных тома). М., 1998–2005. Т. 8. В переводе цикла принимал участие Л. Н. Гумилев. На одном из экземпляров издания над заголовком «Увядшие листья (Перевод А. Ахматовой)» он написал: «а точнее — ее сына. Л. Г.» (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 669–670). Ср.: «...она от меня требовала, чтобы я помогал ей переводить стихи, что я и делал по мере своих сил, и тем самым у нас появилось довольно большое количество денег“. Вряд ли слово „требовала“ здесь уместно. У Гумилева, человека резкого, независимого и обидчивого, вообще трудно было что-то потребовать. Ахматова предложила совместную работу, Гумилев не стал отказываться, ведь ему были нужны деньги на озвучивание хоть какими-то вещами» (*Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. С. 301–302).

⁶ После лагеря Л. Н. Гумилев около года жил у Ахматовой и Пуниных на ул. Красной конницы, он получил собственную комнату весной 1957 года (*Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. С. 301–302). Этот факт дает возможность датировать письмо 1957 годом.

⁷ С поэтом, переводчиком, знаменитым детским писателем Самуилом Яковлевичем Маршак (1887–1964) Ахматова познакомилась летом 1927 года в санатории в Кисловодске (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 291) и впоследствии была дружна. Маршак не раз помогал Ахматовой в трудных обстоятельствах. В поздние годы, когда Ахматова подолгу жила в Москве, их встречи участились: «...она бывала у него в гостях, и он приходил к нам на Ордынку» (*Ардов М.* Маршак остался Маршаком // Metro. 2015. 8 нояб. <https://www.metronews.ru/kolumnisty/mihail-ardov/reviews/mihail-ardov-marshak-ostalsya-marshakom-1178284>; дата обращения: 30.09.2021). 5 мая 1955 года Ахматова, отчасти в шутку, сказала Чуковской: «Среди писателей у меня мало друзей. В сущности, я ни с кем не знакома. Вот разве что с Исидором Штоком и Сашей Кроном <...> И еще знаете, кто в последнее время? Сказать? — Она взглянула на меня с веселым лукавством. — Самуил Яковлевич. Вы думаете, он все только лежит в кровати и хворает? Ошибаетесь, по ресторанам и отлично...» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 117–119). 16 декабря того же года Чуковская записала: «Мельком она сооб-

щила, что навещала Маршака <...> „Впервые я поняла, в чем сила этого человека: в неистовой одержимости искусством“. (Меня радует новая дружба двух старых знакомых — в Ленинграде, да и позднее в Москве, Анна Андреевна нередко отзывалась о Маршаке не без иронии.)» (Там же. С. 167). Вероятно, Ахматова и Маршак виделись и у Петровых, с которой Самуил Яковлевич также был дружен, он высоко ценил творчество Петровых и жаловался: «Эта женщина — мой палач! Читает мне свои стихи. Я прошу: дайте рукопись! — ручаюсь, что устрою сборник в издательстве „Советский писатель“. Ни за что!» (Там же. Т. 3. С. 233). В последние годы объединяло Ахматову и Маршака и то, что они вступались за одних и тех же людей. Совместно с Вяч. Вс. Ивановым и С. М. Бонди подписали письмо в защиту охаянной статьи Э. Г. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина» (статья: Новый мир. 1962. № 2. С. 211–226; письмо: Новый мир. 1962. № 7. С. 286). Инициатором письма была Ахматова, первоначальная версия письма была написана лишь от ее имени, но этот текст не был отправлен (РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 681; см. также: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 487–489, 497–498, 764). В 1963–1964 годах Ахматова и Маршак хлопотали за И. А. Бродского (см.: Там же. Т. 3. С. 127, 169–170, 174–175, 206–207). В феврале 1965 года Л. Пантелеев написал об Ахматовой: «...Маршака она любит и ставит высоко. Негодовала на Твардовского, который сообщил о его смерти на последней странице „Нового мира“» (Пантелеев Л. Из записных книжек // Звезда. 2013. № 8. С. 103). Среди сохранившихся дарственных надписей Ахматовой и Маршака друг другу — инскрипт на ахматовском сборнике «Стихотворения» (М., 1961): «Дань дружбы. А. Ахматова» (Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 683). И на фотопортрете Маршака: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой от неизменного ее друга и почитателя С. Маршак 27-X-1960 г. Москва» (Тименчик Р. Последний поэт. Т. 2. С. 214).

⁸ Липкин Семен Израилевич (1911–2003) — поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. Как сообщил Семен Израилевич О. Е. Рубинчик, с Ахматовой его знакомили дважды. Первый раз — в 1943 году в Ташкенте, куда военный корреспондент Липкин приехал после Сталинградской битвы навестить родных. Тогда их познакомила Н. Я. Мандельштам. Во время войны Липкин служил во флоте, и Ахматова, происходившая из морской семьи, расспрашивала его о морских делах. Он хотел почитать ей стихи, но она его об этом не попросила. Второй раз — в 1949 году в Москве — познакомила Липкина с Ахматовой в своем доме Мария Сергеевна Петровых, уже как поэта. Липкин писал: «Долгие дни и годы мои озарила дружба с двумя великими писателями нашего столетия — с Анной Ахматовой и Василием Гроссманом» (Липкин С. И. Странички автобиографии // Липкин С. И. Квадрига. М., 1997. С. 10). Он был также очень дружен с Петровых: «...по-настоящему, на всю жизнь, моими друзьями стали близкие мне по возрасту и по литературным взглядам Мария Петровых, тоненькая, черненькая, скромная до болезненности, мужественно-красивый, уверенный в своем призвании Арсений Тарковский и обаятельный, образованный Аркадий Штейнберг, поныне недооцененный как поэт и художник. <...> Литературная судьба у всех четверых складывалась невесело, трудно. <...> „Мы начинали без заглавий, чтобы окончить без имен“, — скажет за всех нас Мария Петровых» (Там же. С. 7–8). Официальная литературная деятельность Липкина (как и перечисленных им друзей-поэтов) в течение многих лет сводилась в основном к переводам. Липкин переложил на русский язык калмыцкий эпос «Джангар», киргизский «Манас», кабардинский «Наргы», перевел с персидского поэму Фирдоуси «Шах-намэ» и т. д. Переводческая работа была одной из ниточек, связующих Липкина с Ахматовой. Так, 14 июня 1963 года Ахматова отметила в записной книжке, что должен прийти Липкин: «(Обещал переводы)» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 371). А Липкин вспоминал: «Будучи редактором переводов стихотворений татарского поэта-классика Габдуллы Тукая, я предложил Анне Андреевне перевести несколько его стихотворений. Она сказала: — Я сейчас плохая, но своего переводу непременно» (Липкин С. И. Беседы с Ахматовой. Разрозненные воспоминания // Липкин С. И. Квадрига. С. 501). Работа шла в неофициальном соавторстве с другом Ахматовой, литературоведом и искусствоведом Н. И. Харджиевым (Харджиев Н. И. О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла: Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 2. С. 232). Липкин — автор статьи «Восточные строки Анны Ахматовой» (в книге: Классическая поэзия Востока / Пер. А. Ахматовой. М., 1969). Ахматовские переводы высоко оценены в статьях Липкина «Переводчик — это художник» (Литературная газета. 1959. 14 мая), «Перевод и современность» (Мастерство перевода. М., 1964. С. 38), «Читая Тагора» (Литературная газета. 1965. 12 июня). В записной книжке Ахматовой есть помета: «Найти папку — 75 лет [Статья Липкина]» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 404). По словам Семена Израилевича, у него не было статьи о творчестве Ахматовой, но к ее 75-летию он послал ей письмо, где, кроме поздравлений, были размышления о ее поэзии. В 1991 году Липкин написал стихотворение «Ахматовские чтения в Бостоне»; см., например, в приложении «„В ста зеркалах“». Образ Анны Ахматовой в русской поэзии» к книге И. Я. Лосиевского «Анна Всея Руси. Жизнеописание Анны Ахматовой» (Харьков, 1996. С. 354). Жена Липкина, поэтесса И. Л. Лиснянская, писала о нем: «И хватает тем, что из разрозненных стихотворений выстроил для Ахматовой поэму — „Реквием“. В скупом воспоминании об этом ни слова не сказал и не велит рассказывать, — коли сама Ахматова данный

факт нигде не зафиксировала...» (*Лиснянская И. Хвастунья. С. 42*). Ахматова неоднократно называла Липкина в числе лучших современных поэтов. Говорила об А. А. Тарковском, В. Н. Корнилове, Д. С. Самойлове, С. И. Липкине: «Вот это и будет впоследствии именоваться „русская поэзия шестидесятых годов“. И еще, пожалуй, Бродский» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 524*). Липкин вспоминал, как в 1961 году читал Ахматовой свою поэму «Техник-интендант»: «...Я заметил слезы на глазах Анны Андреевны. Пришло лето. Анна Андреевна подарила мне свою маленькую книжицу в черном переплете, вышедшую в серии „Библиотека советской поэзии“. Вот надпись: / „С. Липкину, чьи стихи я всегда слышу, а один раз плакала. / Ахматова / 6 июля“ / У меня — несколько книг с добрыми надписями Анны Андреевны. Эта — самая драгоценная. Она была не только моей гордостью, — она для меня стала правом на существование в те восьмидесятые годы, когда на родине, в советской печати, я не существовал» (*Липкин С. И. Беседы с Ахматовой. С. 505*). О Липкине и Ахматовой см. также: *Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 724–726*.

⁹ В «Литературной газете» от 12 марта 1957 года (с. 2) опубликованы переводы Липкина с узбекского языка: Мажуд Шейхзаде «Рубайаты». Шесть стихотворений («XX съезд продолжается», «Пятилетки» и др.) предварены вступительной заметкой: «Рубаи — один из популярнейших жанров в классической лирике Востока. Форма рубаи канонизирована: она состоит из четырех строк, рифмуются обычно первая, вторая и четвертая строки. Замечательными мастерами этого жанра были великий ирано-таджикский поэт Омар Хайям <...> и гениальный узбекский поэт А. Навои. Жанр рубаи используется и в литературах Советского Востока. <...> Публикуемые сегодня рубаи узбекского поэта М. Шейхзаде свидетельствуют о том, что эта миниатюрная, издавна любимая народами Востока форма, обогащенная современным актуальным содержанием, обладает большими возможностями». По свидетельству С. А. Сомовой, возможно, не очень точному (стихи приводятся по памяти), Ахматова была на практике знакома с рубаи: в 1944 году в эвакуации она с голоса узбекского поэта Гафура Гуляма перевела четверостишие Хайяма: «...Гафур веселился (он всегда веселился и поражал), нараспев, очень музыкально, читал на фарси Омара Хайяма; Ахматова попросила перевести. Гафур прочел еще раз, а Саида (Зуннова. — О. Р.), строку за строкой, как подстрочник, переводила на русский, объясняя что-то по пути. Вдруг я заметила, что губы Анны Андреевны безмолвно шевелятся <...> Она пошептала что-то и внезапно прочла вслух:

Если пьешь ты вино, только с умным дели его, друг.
Иль с красавицей тюльпаноликой, стыдливою, друг.
Много лучше не пей и грехов своих не открывай,
Пей один, пей тайком эту чашу счастливую, друг.

<...> Мягкий, удлиненный по-восточному, на нежном русском языке перевод Ахматовой, точный по смыслу и с риффом, как было у Хайяма» (*Сомова С. А. Анна Ахматова в Ташкенте // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 373*).

¹⁰ Ср. оговорку «если буду жив» и аббревиатуру «е.б.ж.» в дневниках Л. Н. Толстого. Ахматова приехала в Москву в начале апреля 1957 года (*Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 615*). «Она осунувшаяся, желтая, выглядит очень дурно» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 249*).

¹¹ Приписка, за неимением места внизу листа, сделана наверху, над текстом письма.

3

Марусе Петровых. Прочти по телеф<ону>.¹

Дорогая моя,

А я все хвораю. После горла — ослабело сердце. Сегодня сдаю большую переводч<ескую> работу, с которой возилась все время в Ленинграде.² Скажите Маршаку, что у меня появилось несколько дивных новых пластинок.³ В Москве ли он? Привет Липкину и Вашему соседу, если он не пост.⁴

Лева, наконец, получил комнату и переехал.

От Акумы
28 марта 1957
Ленинград.

Письмо от 28 марта 1957 года; является составной частью большой ахматовской записки «*Кому что сказать*», адресованной семье Ардовых и находившейся в это время в Москве И. Н. Пуниной. Письмо хранится не в домашнем архиве Петровых, а в РГАЛИ: Ф. 13 (фонд А. А. Ахматовой). Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 16 об.

¹ Просьба «Прочти по телеф<ону>» обращена к И. Н. Пуниной.

² Возможно, речь идет о переводе стихов татарского поэта Фатыха Карима, договор на перевод 300 строк которого был заключен Ахматовой с Татарским книжным издательством 26 марта 1957 года. Подобные договоры нередко заключались, когда работа была уже готова. Об этом договоре и переводах Ахматовой см. комментарий Н. В. Королевой в изд.: *Ахматова А. А. Собр. соч.* Т. 8. С. 966, 968.

³ О музыке и музыкантах в жизни Ахматовой, а также о музыке в ее творчестве см.: *Цивьян Т. В.* Ахматова и музыка // *Russian Literature.* 1975. № 10/11. С. 173–212; *Кац Б., Тименчик Р.* Анна Ахматова и музыка. Л., 1989; и др. «На склоне дней она неоднократно говорила, что в юности любила архитектуру и воду, а в старости — музыку и землю» (Там же. С. 23). Свидетельство об Ахматовой последних лет: «Почти не бывало случая, чтобы, придя ко мне, Анна Андреевна не попросила музыки (так и слышу ее: «А музыка будет?»). Ей достаточно было нашего убогого проигрывателя и заигранных пластинок. На вопрос, что она хотела бы послушать, чаще всего отвечала: „Выберите сами“ (что это будет классическая музыка, а если современная, то либо Прокофьев, либо Стравинский, — разумелось само собой). Но иной раз она „заказывала“ совершенно определено: Бетховена, Моцарта, Баха, Шумана, Шопена...» (*Виленкин В. Я.* В сто первом зеркале. М., 1990. С. 72). Ср. воспоминания А. Г. Наймана о прослушивании Ахматовой музыки на даче в Комарове: «У изголовья топчана на низеньком столе стоял электрический проигрыватель: либо я брал его в местном пункте проката, либо кто-то привозил из города. Она слушала музыку часто и подолгу, и разную, но получалось, что на какой-то отрезок времени какая-то пьеса или пьесы вызывали ее особый интерес. Летом 1963 года это были сонаты Бетховена, осенью — Вивальди; летом 1964 года — Восьмой квартет Шостаковича; весной 1965 — „Стабат матер“ Перголези, а летом и осенью — „Коронование Поппеи“ Монтеверди и особенно часто „Дидона и Эней“ Перселла, английская запись со Шварцкопф. Она любила слушать „Багателя“ Бетховена, много Шопена (в исполнении Софроницкой), „Времена года“ и другие концерты Вивальди, и еще Баха, Моцарта, Гайдна, Генделя» (*Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. С. 153–154). О значении музыки в жизни С. Я. Маршака вспоминает И. С. Маршак: «Припоминаю бесконечную, уходящую в мое раннее детство цепь вечеров, на протяжении которых отец читал или обсуждал стихи, говорил об искусстве и литературе с самыми разными людьми — молодыми и старыми литераторами, „великими“ и начинающими актерами, художниками, музыкантами, учеными. <...> вечер с участием композитора или пианиста, начавшись обычно чтением стихов в кабинете, заканчивался полуночным концертом в столовой. Как много замечательных музыкантов играло у нас на „Рёнише“ — в 20–30-е годы — в Ленинграде и на „Стейнвее“ — в 40–60-е — в Москве! Но, пожалуй, дольше и постояннее всех давала эти „индивидуальные концерты“ бурная и щедрая за инструментом и в жизни Мария Вениаминовна Юдина. У Самуила Яковлевича был широчайший спектр восприятия мира. <...> И ему необыкновенно импонирует широкий спектр музыкального мира Марии Вениаминовны, вмещавший в себя всю музыку от Моцарта до Стравинского, с никогда не уходившим из ее поля зрения всеобъемлющим Иоганном Себастьяном» (Мария Вениаминовна Юдина. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1978. С. 45). В числе слушателей на подобных домашних концертах могла присутствовать и Ахматова.

⁴ По всей вероятности: «...если он не пост<укивает>». Ср. воспоминания родной сестры М. С. Петровых Е. С. Чердынцевой: когда к Марии Сергеевне на Беговую улицу приходил муж Екатерины Сергеевны В. В. Чердынцев, временно живший в Москве без прописки, «почти сразу же <...> к ней наведывался участковый с предупреждением о невозможности ночевать в этой квартире. Этому появлению, по-видимому, предшествовал звонок „стучочек“ ее соседа по лестничной клетке...» (*Петровых Е. С.* Мои воспоминания. С. 213). Ср. также стихотворение М. С. Петровых 1950-х годов: «Даже в дорогой моей обители / За стеной живут... иные жители. / Тише, тише, милые друзья! / В нашей не участвуя беседе, / Любопытнейшие соседи / Слушают, дышанье затая...». Версию об имени соседа см. в мемуарах: *Лиснянская И.* Хвастунья. С. 65. «А чего чего, посторонних ушей Петровых всю жизнь опасалась. <...> Еще бы — ее молоденького мужа Головачева забрали <...> в 37-м, когда ее Ариша едва успела родиться. Мне Липкин рассказывал, как носил с Марусей передачи» (Там же. С. 41). Опыт советского времени заставлял писателей подозревать в доносительстве многих людей из своего окружения. Ахматова считала, что доносчиком может оказаться любой. «Про всех надо думать», — говорила она даже в шестидесятые годы (*Муравьев В. С.* Воспоминания об Анне Ахматовой. Беседа с О. Е. Рубинчик. 21 марта 2000 года // Анна Ахматова: последние годы. С. 57). Подозрения Ахматовой обычно не приводили к разрыву отношений. Ср. слова М. Б. Мейлаха о профессиональной осведомительнице С. К. Островской, с которой Ахматова общалась с 1944 года, несмотря на то, что вскоре догадалась о ее роли: «А может быть, раскусила и держала ее как „своего“, „домашнего“ стукача (некоторые

люди считали такую стратегию более безопасной)» (Ахматова: дневник сексота // <http://archives.colta.ru/docs/4155>; дата обращения: 30.09.2021). По словам генерала КГБ О. Д. Калугина, в деле Ахматовой, содержащем десятки доносов, последнее сообщение о ней датировано 23 ноября 1958 года, хотя официально дело было закрыто в 1956 году (Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., 1994. С. 78).

4

2МСК 31 8 МОСКВЫ 22 90 6 28 24 1335 =
= СЕРИЯ И-9 ЛЕНИНГРАД КРАСНОЙ КОННИЦЫ
4 КВ 3 АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ =

= ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ СТИХОВ ПРИВЕТ И ПОЗДРАВЛЕНИЯ ОТ ИСИДОРА¹ = ВСЕГДА ВАША МАРУСЯ —

Телеграмма от 24 июня 1957 (?) года, без почтового штемпеля, на поздравительном бланке в виде складной открытки, украшенной цветами. Дата выпуска бланка — 11.04.1956.

¹ Шток Исидор Владимирович (1908–1980) — драматург, сценарист, актер. Был в дружеских отношениях с Ахматовой с конца 1941-го или с начала 1942 года — со времени трудного ташкентского эвакуационного быта. Он и его первая жена Ольга Романовна Шток, будучи соседями Ахматовой по дому на ул. Карла Маркса, 7, очень ей помогали. Общение со Штоком продолжилось и в последующие годы. Сохранился экземпляр книги Цю Юаня «Стихи» (М., 1954; в числе переводчиков Ахматова) с дарственной надписью Штоку и его дочери от второго брака: «Исидору и Ирочке / Шток / на память / об Ахматовой / в знак дружбы / и / любви. / 4 февр. 1955 / Москва» (Аукционный фонд «Литфонд». Аукцион № 4. 12 декабря 2015 года. Лот 306: <http://www.litfund.ru/auction/4/306/>; дата обращения: 30.09.2021). В приятельских отношениях со Штоком была и Петровых. 26 мая 1954 года Чуковская, посетившая Ахматову в Москве в квартире Ардовых, записала: «Скоро пришли Шток и Мария Сергеевна» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 101). Наверняка встречались Ахматова и Шток и у Петровых; сын подруги Петровых вспоминает, что за столом у «тети Маруси» в квартире на Беговой улице видел не только Ахматову, но и «драматурга-балагура Исидора Штока <...> с женой <...> (соседей по лестничной площадке)...» (Московский астроном на заре космического века. Автобиографические заметки А. А. Гурштейна. М., 2012. С. 18). Жена Штока в это время — актриса цыганского театра «Ромэн» А. Н. Кононова. Чуковская пишет: «Добросердечие и остроумие Исидора Владимировича не спасли его от падения. Друг и подручный Софронова, он, в шестидесятые годы — в марте 63-го — приветствовал разгром литературы, учиненный Хрущевым на встречах с интеллигенцией (см. «Дни незабываемые» — «Вечерняя Москва», 12 марта); в семидесятые, в 1974-м, принял участие в травле Солженицына...» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 619). Из заметки Штока о Солженицыне: «Когда читаешь или слышишь произведения Солженицына, прежде всего ощущаешь его жгучую ненависть к Советскому Союзу. <...> Не успевали высохнуть чернила на исписанных листах, как он бросал их неотступно следовавшей за ним стае агентов самой черной антисоветской печати» (Шток И. Пособник реакции // Советская культура. 1974. № 7. С. 8).

5

МОСКВА БЕГОВАЯ 1 КОРПУС 46
КВ 7 ПЕТРОВЫХ МАРИИ
СЕРГЕЕВНЕ =

ЛНГ02 / 157 ЛЕНИНГРАДА
02 / 130 18 25 1510 =

ОЧЕНЬ ПРОШУ СООБЩИТЬ ЗДОРОВЬЕ¹ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ =
ВАША АХМАТОВА —

Телеграмма от 25 июня 1957 года.

¹ Видимо, здесь и в ахматовской телеграмме от 15 июля 1964 года беспокойство связано с большим сердцем Петровых. А. И. Головкина: «Мария Сергеевна с юности страдала сердцем. Ишемическая болезнь. Сама она про свои ощущения говорила: „Сердце дрожит, как овечий хвостик“. Нередко случались приступы с вызовом неотложки или госпитализацией».

6

ЛЕНИНГРАД УЛИЦА КРАСНОЙ
КОННИЦЫ 4 КВАРТИРА 3
АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ =

2 МСК561 МОСКВЫ 5360 6 17 25 2

ВЫЗДОРАВЛИВАЮ СОБИРАЮСЬ ДЕСЯТОГО МАЛЕЕВКУ¹ КРЕПКО ЦЕ-
ЛУЮ = МАРУСЯ —

Телеграмма от 25 июня 1957 года.

¹ Малеевка — Дом творчества писателей в Подмосковье, в бывшей усадьбе издателя журнала «Русская мысль» В. М. Лаврова.

7

= ЛЕНИНГРАД УЛИЦА КРАСНОЙ
КОННИЦЫ 4 КВАРТИРА 3
АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ =

23МСК12 МОСКВЫ 91 06 30 24 0925 =

ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ
ДУШЕВНЫХ СИЛ ВСЕГДА С ЛЮБОВЬЮ БЛАГОДАРНОСТЬЮ ДУ-
МАЮ О ВАС КРЕПКО ЦЕЛУЮ = МАРУСЯ —

Телеграмма от 24 июня 1958 года.

8

Дорогая Анна Андреевна!

Вчера передала Ваши переводы Багряны Ните Николаевне Глен,¹ и она просила поблагодарить Вас. Мне переводы очень понравились.

Книга Багряны пойдет в производство месяца через два.²

М. Маркарян³ затеяла склоку со своим редактором Регистаном, из-за чего книга ее отложена на 1959 год. (Думаю, что она выйдет в самом начале 1959 года.)⁴

Два Ваших перевода (Маро) я передала в «Новый мир» и два — в «Дружбу народов». Твардовский («Новый мир»)⁵ оба стихотворения принял к печати, и, возможно, они пойдут в ноябрьском номере. Это значит, что в производство их сдадут между 15–20 сентября. Если Вы захотите изменить в переводах хоть одно слово, сообщите мне.

Но думаю, что стихи эти будут напечатаны не в ноябре, а в декабре.⁶

Смеляков («Дружба народов») стихотворение «У Радиоприемника» хочет напечатать в одном из ближайших номеров, а другое взял «про запас».⁷

Вот, кажется, и все о делах.

Я тоскую о Вас. Одиноко мне.

В Малеевке моей единственной радостью были Адмони. Какие они оба хорошие!⁸

Когда их увидите, передайте, пожалуйста, мой привет.

Привет мой Леве, Эмме, Ирине Николаевне.⁹

Всегда о Вас думаю, всегда люблю.

Ваша Маруся.

Сердечный привет Вам от Исидора.

Вчера получила письмо от Галкина из Удельной.¹⁰ Он пишет: «Если Анна Андреевна в Москве — передайте ей привет наисердечнейший».¹¹

Датируется по содержанию: июнь–июль 1958 года.

¹ Имеется в виду Ника Николаевна Глен (1928–2005) — специалист по болгарскому языку и литературе, переводчица с болгарского и французского, в 1956–1983 годах сотрудница Гослитиздата. Ошибка в имени может означать, что Глен и Петровых были в то время еще мало знакомы, хотя с Ахматовой Ника Николаевна уже была дружна. Глен познакомилась с Ахматовой в 1956 или 1957 году и вскоре стала одним из немногих людей, кому Ахматова безоговорочно доверяла. С 1958 по начало 1963 года она неофициально (без оплаты) исполняла обязанности литературного секретаря Ахматовой (пока эти обязанности в значительной мере не перешли к Найману). См.: *Глен Н. Н. Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 627–639.* О Глен и ее участии в жизни и посмертной судьбе Ахматовой: *Рубинчик О. Е. О Н. Н. Глен и ее архиве // Печать и слово Санкт-Петербурга. Сб. науч. статей. Петербургские чтения-2011: В 2 ч. СПб., 2012. Ч. 1.* Глен стала также близким другом Петровых, вместе с дочерью Марии Сергеевны ухаживала за ней в годы ее болезни, а после ее смерти публиковала — вместе с дочерью — ее наследие.

² Стихи болгарской поэтессы Елисаветы (Элисаветы) Багряны (наст. фам. Белчева, 1893–1991) Ахматова переводила в 1958 году. Несколько выполненных Ахматовой переводов было опубликовано в журналах: *Славяне. 1958. № 4. С. 45; Иностранная литература. 1959. № 8. С. 101–102.* Одиннадцать ахматовских переводов были напечатаны в книге: *Багряна Э. Сердце человеческое / Сост. и предисловие В. И. Злыднева; ред. переводов С. В. Шервинского; ред. Н. Н. Глен. М.: Гослитиздат, 1959.* Багряна надписала Ахматовой свой сборник «Избранные произведения» (София, 1957; книга на болгарском языке): «На Анна Ахматова — с многа стара и вярна любов. Е. Багряна. София, 16/ХІІ. 1957» (Из личной библиотеки Анны Ахматовой (Собрание Ардовых — Толстякова): Каталог / Автор-сост. А. П. Толстяков. М., 1989. С. 46). На некоторых стихотворениях книги — ахматовские карандашные пометы: «Несомненно, что эти стихотворения были намечены Ахматовой для перевода» (Там же). 17 декабря 1963 года Багряна надписала свою книгу «От бряг до бряг» (София, 1963): «На Анна А. Ахматова. За добър спомен от срещата ни в Москва. Е. Багряна» («Анна А. Ахматовой. На добруа память о нашей встрече с ней в Москве»; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Инв. № А-3585; цит. по: *Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 755*). 14 сентября 1957 года Чуковская отметила в дневнике: «...Анна Андреевна показала мне толстенную книгу какой-то болгарской поэтессы: <...> / — Багряна подражает Ахматовой, а теперь Ахматова будет переводить Багряну... — сказала она. — В этом есть что-то ужасное, противоестественное: туда и обратно, так и этак перекаривается живая ткань» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 262*). В 1965 году, записывая возможные темы исследования для будущих ахматоведов, Ахматова включила в перечень «Влиян<ие> на след<ующие> покол<ения>. Подражатели за границей (Багряна) и дома» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 690). Багряна принадлежала к тому же поколению, что и Ахматова, ее первая публикация относится к 1915 году, но еще в 1922 году она опубликовала несколько переводов из Ахматовой и Цветаевой, в ее ранних стихах находят влияние русских поэтов: Тютчева, Блока, Ахматовой, Маяковского (*Антонова А. Елисавета Багряна // Речник на българската литература след освобождението // Словарь болгарской литературы после освобождения: <https://dictionarylit-bg.eu/Елисавета-Багряна>; дата обращения: 30.09.2021*). Однако большая часть переключек с Ахматовой объясняется общими чертами в бэкграунде и естественной для женской поэзии тематикой. Характер и масштаб этой фигуры не позволяет отнести Багряну к простым подражательницам: «...прожила очень долгую, интересную жизнь, полную славы и громких любовных романов. Ее стихи переводили Анна Ахматова и Марина Цветаева. Красивая и талантливая, знаменитая и скандальная, свободолюбивая и гордая <...> Это были первые десятилетия XX века, когда в Болгарии все еще доминировало консервативное патриархальное мышление. Мнения, что болгарка должна сидеть дома, воспитывать детей и заботиться

о комфорте супруга, придерживались даже многие видные интеллектуалы того времени. <...> Страсть Елисаветы к поэзии в семье ее супруга не одобряют. <...> Она вынуждена прятать тетрадки со своими стихами <...> в 1925 году Елисавета приняла одно из самых осуждаемых решений в своей жизни — бросила своего супруга и сына <...> всю себя посвятила литературной деятельности. <...> очень быстро стала одной из самых известных поэтесс. <...> Самое сильное влияние на творчество Елисаветы Багряны оказали русские поэтессы Марина Цветаева и Анна Ахматова. Не раз Багряна говорила, что ее большая любовь в поэзии — Ахматова, но при этом признавалась, что по поэтическому темпераменту ближе ей Цветаева. <...> Стихи Елисаветы Багряны переведены на 30 языков мира. В 40-х годах прошлого века она трижды номинировалась на Нобелевскую премию по литературе» (Никифорова С. Литературные страницы: Елисавета Багряна — грешная, святая и вечная // Радио «Болгария». 26.11.2013. <https://bnr.bg/ru/post/100222902/literaturne-stranice-elisaveta-bagryana-greshnaya-svyataya-i-vechnaya>; дата обращения: 30.09.2021). Впоследствии Багряна включилась в жизнь социалистической Болгарии, что отразилось на тематике и качестве ее стихов. Была награждена медалью Героя Народной Республики Болгария и орденом Георгия Димитрова. В предисловии к советской книжке Багряна предстает скромной сельской учительницей, «прошедшей трудный путь от молчаливой покорности и страданий в прошлом до большого патриотического воодушевления, свободной жизни в <...> социалистической Болгарии» (Багряна Э. Сердце человеческое. С. 3). Н. Струве вспоминает: «Ахматова жаловалась, что ей приходится переводить поэтесс, которые ей же и подражали: / — Омерзительнейшая работа» (Струве Н. Восемь часов с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 12). При этом она планировала выпустить «Женскую антологию» со своими переводами поэтесс разных стран, включая и Багряну (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 92). Чуковская записала в дневнике: «Была у нее Багряна. Сказала, что переводит Ахматову на болгарский не следует, потому что болгары и так поймут» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 137; запись от 5 января 1964 года). Тем не менее Багряна продолжала переводить ахматовские стихи. Ахматова многократно включала ожидавшийся в 1965 году сборник стихов в переводе Багряны в библиографию переводов своих произведений на иностранные языки (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 347, 510 и др.), написала к нему предисловие: «Я переводила много болгарских стихов и слышу живой звук этого языка...» (цит. по комм. Глен в издании: Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 477). Книга вышла уже после ее смерти (Ахматова А. Избрани стихотворения / Прев. от руски Анна Ахматова; под ред. на Христо Радевски. София, 1967), Багряна — в числе переводчиков.

³ Маркарян Маро Егишевна (1916–1999) — советская армянская поэтесса, лауреат Государственной премии Армянской ССР. Была дружна с Петровых, переведшей многие ее произведения на русский язык, посвятила стихи ее памяти: «Если в мире существует святость, / Это ты, Мария, это ты...» (опубл. в кратком слове о Петровых: Маркарян М. «Отзовись из неизвестности...» // Петровых М. С. Черта горизонта. С. 398–399).

⁴ Регистан Гарольд Габриэльевич (1924–1999) — советский поэт-песенник, переводчик поэзии народов СССР на русский язык. Книга, включившая в себя семь переводов Ахматовой, переводы Петровых и др., вышла позднее: Маркарян М. Лирика. М.: Советский писатель, 1960. Ее редактором стал не Регистан, а Д. Н. Голубков.

⁵ Поэт, прозаик, журналист Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) в 1950–1954 и 1958–1970 годах был главным редактором «Нового мира» — по словам Чуковской, «самого смелого и самого интеллигентного из наших журналов» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 574). Петровых познакомилась с Твардовским не позднее чем в 1943 году, они были в дружеских отношениях, Петровых ценила его поэзию, а Твардовский ценил ее как переводчицу (см. об этом, например: М. С. Петровых — А. Т. и М. И. Твардовские. «Я очень не хочу, чтоб наш разговор прервался» (из переписки) / Публ. и комм. В. А. и О. А. Твардовских // Знамя. 2013. № 5). За время редакторства Твардовского стихи и переводы Ахматовой в журнале печатались многократно (см.: Караганова С. В «Новом мире» Твардовского // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 328–329), однако с жесткими цензурными ограничениями (см. об этом: Тименчик Р. Последний поэт. Т. 1. С. 373–375 и многие др.). В январе 1963 года Ахматова передала Твардовскому «Реквием», предполагая, что «Новый мир», опубликовавший в ноябре 1962 года «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, сможет опубликовать и его, однако этого не произошло: Твардовский «долго молчал после чтения. „Мы могли бы попытаться напечатать отдельные части. Но все — не сможем. Вряд ли это устроит Ахматову“» (Караганова С. В «Новом мире» Твардовского. С. 330). Ахматова относилась к Твардовскому как к компромиссной фигуре — по свидетельству Чуковской, «с неприятной <...> презрительностью» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 457). Для Твардовского же Ахматова была талантливой поэтессой из прошлого, «которую лет 30 назад <...> может быть, считал покойницей» (из дневниковой записи, цит. по: Тименчик Р. Последний поэт. Т. 1. С. 177). Ситуацию изменила их первая (и единственная?) личная встреча — во время вручения Ахматовой литературной премии Этна-Таормина в Италии в декабре 1964 года (см.: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 267–268).

Твардовский выступил на церемонии с речью: «Поэзия Ахматовой — образец высокого мастерства. Она на уровне высших достижений культуры русского стиха...» (цит. по: *Кондратович А. И.* Твардовский и Ахматова // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 678). Кондратович вспоминает рассказ Твардовского — как он зашел в гостиничный номер Ахматовой после церемонии, чтобы лично ее поздравить: «„Может быть, я закажу по этому поводу бутылку какого-нибудь итальянского?“ И вдруг слышу от нее: „Ах, Александр Трифонович, а может быть, водочки?“ И с такой располагающей простотой это было сказано и с таким удовольствием! А у меня как раз осталась в чемодане бутылка заветной, я тут же ринулся к себе, в свой номер...» (Там же. С. 680). Чуковская пишет в связи с хлопотами Ахматовой о Бродском: «С Александром Трифоновичем она подружилась в Италии и теперь надеется на него» (Там же. С. 272). Тогда же изменилось и отношение Ахматовой к творчеству Твардовского. После смерти Ахматовой Твардовский написал о ней статью «Достоинство таланта» (впервые: Известия (веч. вып.). 1966. 7 марта; расширенный вариант: Новый мир. 1966. № 3).

⁶ В «Новом мире» стихотворение Маркарян в ахматовском переводе — одно, «От своих тревог и тайной боли...», — было опубликовано почти через год (1959. № 8. С. 88). Ахматова перевела стихи Маркарян и ранее: «Мое знакомство с Ахматовой, ее переводы моих стихов для меня одна из самых светлых страниц моей жизни. В 1950 г. в Москве Мария Петровых, которая тогда переводила и редактировала мою книгу, сказала мне: „У меня есть радостная новость для тебя. Твои стихи выбрала и перевела Анна Ахматова“. <...> Мария посоветовала мне отнести несколько переводов в „Новый мир“ Твардовскому. Твардовский там же, в коридоре редакции, прочел их, просиял и тут же велел сотрудникам редакции послать телеграмму Ахматовой — „Новый мир“ печатает ее переводы. В эту минуту я с горечью улыбулась, он заметил мое выражение лица и спросил: „А что так?“ Я ответила: „Мне больно, что так приходится радовать такую поэтессу“. Он развел руками: „Что ж, пока так. Придут, наверно, хорошие дни. Жаль только, поздно“» (*Маркарян М.* Великий урок Анны Ахматовой // Ахматова А. Стихотворения, переводы. Ереван, 1989. С. 420). Перевод был опубликован только один, через два года: это стихотворение Маркарян «Богатство» («Родина и сын милее жизни...») (Новый мир. 1952. № 3. С. 66–67). Сохранился сборник Маркарян «Раздумье» (Ереван, 1956; семь стихотворений переведены Ахматовой) с инскриптом: «Анне Андреевне с уважением и любовью 19/VI-1956 г. Москва. Маро Маркарян» (Из личной библиотеки Анны Ахматовой. С. 19).

⁷ Смеляков Ярослав Васильевич (1912 (1913 по н. ст.) — 1972) — поэт, переводчик, литературный критик. Воевал, прошел через финский и немецкий плен и сталинские лагеря. В 1956 году был реабилитирован. Лауреат Государственной премии СССР (1967). «Пятнадцать лет работы Ярослава Смелякова в „Дружбе народов“ — это как бы целая эпоха в жизни редакции и его личной жизни. Он пришел в журнал в конце 50-х годов, когда журнал набирал силы, становясь из альманаха оперативным боевым органом, выводящим братские литературы на всеоюзную орбиту... Его поэтический авторитет, обаяние личности, незаурядность человеческой и творческой биографии привлекли самых разных людей» (Памяти Ярослава Смелякова // «Дружба народов». Первые полвека (1939–1989). На сайте журнала: <http://дружбанародов.com/druzhba-narodov>; дата обращения: 30.09.2021). В 1958 году, когда Смеляков заведовал в «Дружбе народов» отделом поэзии, был напечатан ахматовский перевод стихотворения Маркарян «У радиоприемника» (Дружба народов. 1958. № 9. С. 96). Ахматовские переводы изредка публиковались в журнале с 1953 года. Ахматова и Смеляков были немного знакомы. Д. Т. Хренков о стихотворении Смелякова «Здравствуй, Пушкин!»: «Эти строчки хорошо знала Анна Андреевна и неизменно подчеркивала, что Смеляков сумел увидеть очень точную деталь: жена поэта и „дворцова свора“ — одно и то же. Во время случайной встречи в Москве Ярослав Васильевич прочитал Ахматовой свое новое стихотворение „Натали“, за которое, как говорила Анна Андреевна, ей хотелось обнять „этого вечного комсомольца“. В том стихотворении Наталья Николаевна не без сарказма именуется „мадам Ланский“ <...> Узнав, что я еду в Москву и буду встречаться со Смеляковым, <...> она извлекла из хорошо знакомого нам чемодана красную книжку <...> вышедшую в издательстве „Художественная литература“ в 1958 году, и попросила передать ее Смелякову, написав на титуле: „Единомышленнику Ярославу Васильевичу на память об Ахматовой“» (*Хренков Д. Т.* Анна Ахматова в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Л., 1989. С. 105–107). Смеляков был на похоронах Ахматовой, откликнулся на ее смерть стихотворением «Анна Ахматова» («Не позабылось куда...»), которое опубликовал 17 июня 1966 года в газете «Литературная Россия», в составе подборки «Из новой книги „День России“».

⁸ Ср. воспоминания В. Г. Адмони: «Мы и не помышляли о том, что Тамарин Рильке может когда-нибудь увидеть свет. Если бы не Маруся Петровых, этого никогда бы не случилось. В 57-м и 58-м годах мы оказались вместе с ней летом в Малеевке...» (*Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 329). Владимир Григорьевич Адмони (Вольдемар Вольф Гойвишевич Красный-Адмони, 1909–1993) и его жена Тамара Исааковна Сильман (1909–1974) — филологи, специалисты в области германистики, доктора наук, переводчики и поэты. Адмони — член-корреспондент Института немецкого языка в Мангейме и Геттингенской академии, почетный доктор

философии Упсальского университета и проч. Адмони был свидетелем защиты на суде над Бродским. С Петровых Адмони познакомился через Ахматову, в середине 1950-х годов. «А затем мы, Тамара и я, с Марией Сергеевной Петровых подружались. Анна Андреевна была рада этой дружбе. Когда она умерла, у нас было чувство, словно она завещала нас друг другу. <...> Самым главным в этой дружбе, как и в моей дружбе с Анной Андреевной, были все же стихи. Маруся читала свои стихи неохотно, после долгих уговоров. Но с радостью слушала мои стихи. И это было для меня счастьем...» (Там же. С. 319–320). Услышав в Малеевке стихи Р. М. Рильке в переводе Сильман, «Маруся потребовала, чтобы Тамара прочтала своего Рильке Маршаку. <...> И мы даже не подозревали, что <...> Самуил Яковлевич добьется, чтобы в Москве Литиздат <...> включил в свой план томик стихотворений Рильке в переводах Тамары» (Там же. С. 331–332). Книга, преодолев множество препятствий, вышла в 1965 году (*Рильке Р. М. Лирика / Пер. с нем. Т. Сильман; [вступ. статья и прим. В. Адмони]. М.; Л., 1965*) и «открыла путь другим книгам Рильке» (*Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. С. 334*). См. также воспоминания о Петровых и анализ ее стихов и переводов: *Адмони В. «Вы запомнились сестрою дальней...» // Петровых М. С. Черта горизонта. С. 200–210*. Здесь же — посвященное Петровых стихотворение Адмони и обращенное к Адмони стихотворение, написанное Петровых на смерть Сильман (с. 211 и 216). С Ахматовой Адмони познакомился значительно раньше, в 1939 году, а подружилась она с ним и Сильман в начале 1940-х годов в ташкентской эвакуации. В 1939 году Адмони посвятил Ахматовой стихотворение «За то, что мучительных лет вереница...», в начале 1960-х годов — стихотворение «Это, верно, одно из чудес...» (опубл., в частности, в воспоминаниях: *Адмони В. Г. Знакомство и дружба // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 333, 340*). В 1987 году Адмони написал стихотворение «Воспоминания об Анне Ахматовой» («Я помню бормотанье строк...»; см., например: «В ста зеркалах». Образ Анны Ахматовой в русской поэзии. С. 285). Петровых писала Адмони об Ахматовой: «Она целиком принимала Вашу поэтику» (*Адмони В. Г. Знакомство и дружба. С. 340*). Сильман, любительски занимавшаяся лепкой, в 1961 году вылепила голову Ахматовой (один из шести экземпляров гипсового тиража скульптуры хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме). «...Ахматова не раз просила Тамару почитать ей свои переводы из Рильке. <...> В первый раз, прослушав переводы, Ахматова сказала: „Словно кислороду глотнула“» (Там же. С. 344). В середине 1950-х годов Адмони готовил собрание сочинений Ибсена и предложил Ахматовой перевести любые ибсеновские стихи. «Прошло несколько недель. Ахматова попросила меня захватить. Протягивая листки с готовыми переводами, она сказала, причем безапелляционным тоном: „И чтоб я их больше не видела... Делайте с ними что хотите“. Из четырех переводов один оказался замечательным <...> Один перевод был просто хороший. А в двух было немало слабых мест, и я основательно переработал их» (Там же. С. 345). По утверждению Харджиева, стихотворение Ибсена «В этом доме они...» перевел он (*Харджиев Н. И. О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой. С. 230*). «Когда том Ибсена с его стихами вышел, я немедленно отправился к Ахматовой. Она полулежала. Я протянул ей книгу, но Ахматова ее не взяла, а, указав широким жестом на полку, сказала: „Поставьте туда...“ И я убежден, что она этот том так никогда и не раскрыла» (*Адмони В. Г. Знакомство и дружба. С. 345*). На преподнесенном томе (*Ибсен Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 1*) дарственная надпись: «Анне Андреевне Ахматовой — великому поэту и доброму другу. В. Адмони» (*Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 605*). В середине июня 1961 года, в период переезда Ахматовой и Пуниных с ул. Красной Конницы на ул. Ленина и ремонта новой квартиры, Анна Андреевна несколько дней жила у Адмони и Сильман на ул. Плеханова (ныне — Казанская) (Там же. С. 680–681; *Адмони В. Г. Знакомство и дружба. С. 343–344*). Незадолго до этого, 23 апреля того же года, Ахматова писала ответственному секретарю Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР А. А. Прокофьеву: «Мне предлагается дополнительная комната вне дома на Широкой (старое название ул. Ленина. — О. Р.). Меня бы очень устроила комната в квартире Адмони». На письмо — резолюция Прокофьева: «Нельзя!» (*Тименчик Р. Из переписки Анны Ахматовой // Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman = Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 459*). Ср.: «Знаете, Лидия Корнеевна, я потеряла оседлость. Лет восемь уже. Я в Питере не дома и здесь (в Москве. — О. Р.) не дома» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 362; запись от 12 сентября 1959 года*). В воспоминаниях Адмони об Ахматовой, в том числе в их полной версии, сведения о намерениях поселить в своей квартире Ахматову отсутствуют (*Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. С. 307–321* и др.).

⁹ Э. Г. Герштейн, по-видимому, была в это время в Ленинграде или Комарове. Ирина Николаевна — И. Н. Пунина (1921–2003), искусствовед, дочь Н. Н. Пунина, автор ряда публикаций об Ахматовой и о Пунине. Об отношении Ахматовой к И. Н. Пуниной говорит, в частности, инскрипт на сборнике стихов 1958 года: «Моей Ирине / на память о нашей / жизни с любовью / Акума / 14 февр. / 1959 / Ленинград» (Анна Ахматова. 1889–1966. Материалы юбилейной выставки [1989] / Сост. М. В. Бокариус, В. Т. Верещагин, Н. Г. Захаренко и др. СПб., 2009. С. 16–17, копия в каталоге — за № 54).

¹⁰ Удельная — название подмосковного кардиологического санатория.

¹¹ Галкин Самуил (Шмуэль) Залманович (1897–1960) — советский еврейский поэт, драматург, переводчик на идиш Шекспира, Пушкина и др. В 1949 году был осужден на десять лет по делу Еврейского антифашистского комитета, вернулся из заключения в 1955 году. В инвалидном лагере в Абези общался с Пуниным, о чем по возвращении рассказывал его родным и Ахматовой. Галкина и Ахматову познакомила в 1955 году Петровых, подружившаяся с ним не позднее чем в чистопольской эвакуации — в начале 1940-х годов. Петровых переводила Галкина, под ее редакцией вышло два сборника его стихотворений (1958, 1962). Познакомившись, Ахматова и Галкин стали созваниваться и встречаться. Сохранились письма и поздравительные телеграммы Галкина Ахматовой и ахматовская телеграмма Галкину, они приведены в подробной справке о взаимоотношениях двух поэтов: *Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» А. Ахматовой // *Quadrivium.* К 70-летию проф. В. А. Московича. Иерусалим, 2006. С. 209–211. Об Ахматовой и Галкине см. также: *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 652. Ахматова переводила стихи Галкина, подключив к этой работе Харджиева: «В сборнике произведений С. Галкина „Стихи. Баллады. Драммы“ (1958) мне принадлежат все четыре „ахматовских“ перевода» (*Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой. С. 230). По-видимому, слова ахматовского соавтора содержат преувеличение. Ср.: Ахматова «переводит теперь Галкина — и восхищена» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 193). После смерти Галкина Ахматова отозвалась о нем так: «Такие люди редко рождаются. Он был само совершенство. И какой поэт!» (из записей М. Х. Ландмана; цит. по: *Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» А. Ахматовой. С. 211). В Музее Ахматовой в Фонтанном Доме хранится книга Галкина «Стихи. Баллады. Драммы» (М., 1958) с инскриптом: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой. С любовью и глубоким уважением большому поэту и немеркнущего обаяния человеку. С. Галкин» (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 629).

9

= ЛЕНИНГРАД УЛИЦА
КРАСНОЙ КОННИЦЫ 4 КВ 3
АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ

МСКЗЗП207 МОСКВЫ 20879 24 30 2300

= ПОЗДРАВЛЯЮ НОВЫМ ГОДОМ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ЖЕЛАЮ ВАМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ НОВЫХ СТИХОВ ЦЕЛЮЮ = МАРУСЯ —

Телеграмма от 30 декабря 1958 года.

10

ЛЕНИНГРАД КРАСНОЙ КОННИЦЫ 4
КВ 3 АННЕ АНДРЕЕВНЕ
АХМАТОВОЙ = С¹

СК / 4П / 611 МОСКВЫ 3579 24 31 0936 =

НОВЫМ ГОДОМ ДОРОГАЯ АННА АНДРЕЕВНА ГОРЯЧО ЖЕЛАЮ ВАМ
ЗДОРОВЬЯ И РАДОСТИ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ = МАРУСЯ —

Телеграмма от 31 января 1959 года.

¹ «С» означает «срочная». Телеграмма пришла к адресату 1 января 1960 года.

11

Дорогая, родная Анна Андреевна!

Я столько написала Вам писем и ни одного не отправила — все надеялась, что издательство само напишет Вам о тех изменениях в составе книги, кото-

рые произведены Главной редакцией.¹ Но сколько я ни говорила в издательстве о том, что надо поскорее Вам написать, — письмо от них до сих пор не послано. 1-го сентября вернулся из отпуска Козьмин² и передал мне свой разговор с Пузиковым.³ Пузиков считает, что в сентябре должен к Вам поехать кто-то из редакции (вероятно, Козьмин) и лично Вам передать решение Главной редакции. После того, как в Москве Вы с Козьминым утвердили состав книги, ее пожелали прочесть еще два члена редколлегии, после чего читала Главная редакция. Они (т. е. Главредакция) включили в книгу три стихотворения из «Антологии советской поэзии» (те самые),⁴ мотивируя именно тем, что эти стихи печатались в «Антологии», и в книге Вашей, которая выходит в серии советской поэзии, эти стихи крайне желательны.

(Одно из этих стихотворений — «Прошло пять лет» — по-моему, просто хорошее.)

Гораздо горше, по-моему, то, что редакция сняла 8 стихотворений — цикл «Из сожженной тетради». Я лично убеждена, что кого-то смутило название цикла.⁵

Пузиков (я с ним разговаривала, когда Козьмин был в отпуске) ужасно сокрушался, что Вас это время не было в Москве, что не могли они лично с Вами обо всем договориться и т. д. И обещал написать письмо. Но, как видите, теперь решил иначе, т. е. — направить к Вам кого-либо для личного разговора.

Книга сейчас в технической редакции. Издательство считает необычайно важным то, что Ваша книга выходит в серии советской поэзии.⁶

Они хотели бы, чтобы к Вашей книге дал предисловие Сурков, но до сих пор им не удалось встретиться с Сурковым. (Я тоже его жаждала: мне хотелось, чтобы он вступился за снятые стихи и чтобы отругал издательство за дурной стиль работы.)⁷

Недавно мне звонила Нина.⁸ Она уехала уже в Крым с Алешей.⁹ Виктор Ефимович¹⁰ в курсе Ваших издательских дел¹¹ и хочет поговорить с Сурковым, как только тот вернется в Москву.

Мне бесконечно больно и трудно думать о снятых стихах, это большая утрата для книги, для читателей. Но книга все равно прекрасна.

Кто-то из редакции придет к Вам, видимо, в середине сентября. Я послезавтра уезжаю в Малеевку. Крепко целую Вас.

Страшно стосковалась. Очень Вас жду. М. П.¹²

Судя по содержанию, письмо относится к первой половине сентября 1960 года.

¹ Речь идет о рукописи будущей книги: Ахматова А. А. Стихотворения / После слов Ал. Суркова; ред. Н. Замотин. М.: Гослитиздат, 1961 (сер. «Библиотека советской поэзии»). История ее мытарств подробно освещена в издании: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 367, 372 и многие др., по с. 465; Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Т. 2. С. 652, 654, 656 и далее, по с. 676; Тиленчик Р. Последний поэт. Т. 1. С. 209–213, 233–235; Т. 2. С. 307–311 и др. Вероятно, первое упоминание о подготовке нового сборника — в письме Л. Н. Гумилева В. Н. Абророву от 8 октября 1959 года: «...у нее выходит еще одна книга...» (Гумилев Л. Н. Письма. СПб., 2008. С. 156). Первоначально сборник готовился под редакцией В. Н. Орлова в Ленинградском отделении Гослитиздата. 23 декабря 1959 года Чуковская записала: «Показала мне составленный ею новый сборник „Седьмая книга“» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 367). 10 апреля 1960 года, после долгой работы Ахматовой с редактором над «проходимостью» рукописи, Орлов поставил на титульном листе визу: «В набор» (Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 660). Однако директор издательства Г. И. Владыкин признал состав книги неудовлетворительным, свои коррективы предложил в отзыве и Сурков, а также член редколлегии серии Твардовский и др. К июню Орлов был фактически отстранен от сборника, переданного для доработки и издания в Москву, в центральное отделение, в редакцию русской советской литературы Гослитиздата. О московском этапе подготовки рукописи и пишет Петровых, защищавшая в издательстве интересы Ахматовой. «Свою гослитовскую книжку Анна Андреевна поручила Марии Сергеевне Петровых. Мария Сергеевна уже несколько раз звонила

мне в большой тревоге: редакция безобразничает <...> Я настаиваю, чтобы Мария Сергеевна срочно дала знать обо всем Ахматовой, пусть Анна Андреевна решает сама» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 425; запись от 23 сентября 1960 года). Книжка вышла в апреле 1961 года в золотисто-зеленых обложках. А. Г. Каминская вспоминает: «Акума, увидев зеленую обложку, впала в ярость, отказалась не то что смотреть сборник, но даже брать его в руки, метко сразу окрестив ее „лягушка“»; в результате было сделано сто авторских экземпляров с другой обложкой: 75 — с черной, 25 — с белой (*Каминская А.* «Дома хорошо...» // «Эта пристань есть...». Портреты. Размышления. Воспоминания о людях в Писательском доме / Изд. подг. Т. В. Акуловой; предисловие Э. М. Рауш-Гернет, послесловие Н. Л. Елисеева. СПб., 2012. С. 43). Дарственная надпись на экземпляре в белой обложке для Петровых: «Марии Сергеевне / Петровых / (моей Марусе), / без которой не было бы / этой книги — с благодарностью / Ахматова. / Ордынка. / 1 июля / 1961» (цит. по оригиналу, хранящемуся в домашнем архиве Петровых; первая публ.: *Петровых М.* Избранное. М., 1991. С. 344).

² Козьмин Мстислав Борисович (1920–1992) — литературовед, журналист, в 1960–1962 годах заведующий редакцией русской советской литературы в Гослитиздате.

³ Пузиков Александр Иванович (1911–1996) — литературовед, литературный критик; в 1945 году поступил на службу в Гослитиздат, где проработал 42 года, из них 35 — главным редактором. «За годы пребывания на посту главного редактора в издательстве сменились 7 директоров, каждый из них со своим почерком, но все эти годы издательство, которое называли „МХАТом в издательском деле“, было самым продуктивным, монополистом в издании русской и зарубежной классики, выпускало авторитетнейшие издания...» (К 100-летию писателя и издателя Пузикова А. И. // Форум Союза писателей; см.: <https://soyuz-pisatelei.ru/forum/51-1084-1>; дата обращения: 30.09.2021). Пузиков — лауреат Государственной премии СССР (1978) за участие в разработке и осуществлении научных принципов издания «Библиотеки всемирной литературы», заслуженный работник культуры РСФСР. По-видимому, впервые Пузиков увидел Ахматову в самом начале своей работы в Гослитиздате: «Однажды приехала из Ленинграда Анна Ахматова — величественная и недоступная. Патриотические стихи времен войны заставили вновь вспомнить имя этой замечательной поэтессы» (*Пузиков А. И.* Будни и праздники: из записок главного редактора. М., 2012. С. 23). Пузиков о времени после XX съезда партии: «Монографию можно написать о том, как от издания к изданию завоевывались все новые позиции в составах избранных произведений А. Ахматовой и М. Цветаевой» (Там же. С. 120). Ср. запись Глекина от 14 октября 1960 года: «Анна Андр., кажется, окончательно отказывается от книги из-за дурацкого послесловия, которым Пузиков пытается оградить свое реноме. Анна Андр. говорит: „Они меня так напугали. Мне не нужно третьего постановления. Бог с ними. Я не хочу — мне ведь уже 71 год!“ Мы были у Анны Андр. вдвоем — я и М. С. Петровых. Мы не пытались почти уговорить Анну Андр. Это было бы жестоко» (*Глекин Г. В.* Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Изд. подг. Н. Крайневой. М., 2015. С. 149).

⁴ Речь идет о коллективном сборнике «Русская советская поэзия» (М.: Гослитиздат, 1954). Там на с. 256–257 опубликованы стихи Ахматовой из неосуществленного сборника «Слава миру!»: «Прошло пять лет, — и залечила раны...», «В пионерлагере» («Как будто заблудившись в нежном лете...»), «Песня мира» («Качаясь на волнах эфира...»).

⁵ Из отзыва А. А. Прокофьева (члена редколлегии серии «Библиотека советской поэзии») на рукопись сборника Ахматовой, на тот момент называвшегося «Избранное»: «Также обращаю внимание редакции на цикл „Из сожженной тетради“. Думаю, что его лучше снять из-за сильного налета мистического настроения, из-за неопределенных намеков и т. д.» (цит. по: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 665). Запись Чуковской от 30 сентября 1960 года: «Сегодня мне позвонила вернувшаяся из Ленинграда Ника Глен <...> передала мне высочайшие распоряжения — повидаться, не откладывая, с Оксманом, который хорош с Козьминным, и передать ему следующее: Ахматова не согласна на уничтожение цикла „Из сожженной тетради“. <...> Редакцию, по-видимому, смущает название — выходит, будто Ахматова жгла какие-то свои стихи! — так вот, пусть назовут весь цикл „Шиповник цветет“ <...> На добавление некоторых стихотворений Анна Андреевна, крепя сердце, согласилась. <...> Итак, мы с Марией Сергеевной были правы, что послали Анне Андреевне срочную эстафету. А то редакция, под шумок, с благословения В. Перцова и Веры Инбер (члены редколлегии! <...>) сдала бы в типографию изуродованную книгу» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 425–426). В результате в сборнике вместо цикла «Из сожженной тетради» появился цикл из восьми стихотворений «Шиповник цветет». Из неосуществленного сборника «Слава миру!» в издание было включено пять стихотворений, не выделенных в отдельный цикл и вошедших в раздел «Шестая книга». Четыре из них идут подряд: «Приморский парк Победы», «Песня мира», «Прошло пять лет, — и залечила раны...», «Говорят дети». Пятое — «В пионерлагере» («Как будто заблудившись в нежном лете...») — под другим названием — «Послесловие» — заключает книгу; его последние слова: «...Там дети шли с знаменами своими, / И Родина сама, / любуясь ими, / С улыбающей чело склонила к ним».

⁶ Ср. комментарий Р. Д. Тименчика: «Свидетельством разногласий в редколлегии было объяснение В. О. Перцова: „<...> Вопрос заключался не в том, издавать или не издавать эту книгу, — в издательстве считали, что ее нужно издать, — вопрос был в том, можно ли издать ее в «Библиотеке советской поэзии». Рецензируя рукопись, я старался в меру своих сил показать особую важность появления этого сборника именно в составе «Библиотеки советской поэзии». Я сравнивал книгу Ахматовой с книгами Брюсова и Блока, вышедшими в «Библиотеке советской поэзии». Часть творчества того и другого, посвященная советской эпохе, незначительна по количеству, но она по своей значимости такова, что творчество этих двух поэтов включено в «Библиотеку советской поэзии»“ (*Перцов В.* О чем говорит литературная карта // <опросы> л<итературы>. 1961. № 9. С. 58–59). За издание сборника в этой серии был А. А. Прокофьев...» (*Тименчик Р.* Последний поэт. Т. 2. С. 308).

⁷ Поэт, журналист, лауреат двух Сталинских премий Алексей Александрович Сурков (1899–1983), как и Петровых, был родом из Ярославской губернии, оба в 1920-е годы прошли через ярославские литературные круги. «В Москве из всех земляков общение с ним оказалось наиболее продолжительным <...> по причине высоких должностей, которые Сурков занимал в течение многих лет, а значит, неизбежно от него зависело решение многих важных вопросов в жизни писателей. <...> Отношения между Сурковым и Петровых — это прежде всего (и в основном) отношения между Сурковым и Ахматовой» (*Скибинская О. Н.* Ярославские проекции. Ярославль, 2020. С. 484–485). Сурков не «вступился за снятые стихи» и не «отругал издательство за дурной стиль работы», он, как всегда, покровительствовал Ахматовой на свой лад. В данном случае для «проходимости» книги написал к ней послесловие, которое Ахматова назвала «повторением постановления <...> только без ждановских непечатных слов»; «Пусть моя книга — смрадная моя книга — идет в мир с бубновым тузом на спине» (*Глекин Г. В.* Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. С. 153).

⁸ Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991) — актриса и режиссер, близкая подруга Ахматовой. Воспоминания Ольшевской об Ахматовой: *Герштейн Э. Г.* Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 258–276.

⁹ Баталов Алексей Владимирович (1928–2017) — народный артист СССР, преподаватель, мемуарист, сын Ольшевской от первого брака. Его воспоминания об Ахматовой см., в частности, в издании: *Ардов М., Ардов Б., Баталов А.* Легендарная Ордынка: Сб. воспоминаний. СПб., 1995. Об особом отношении к нему Ахматовой говорит, например, сделанная в 1962 году надпись на сборнике «Стихотворения» (М., 1961) в белой обложке: «Самому главному / Алеше / А. Ахматова / 22 июня / Ордынка» (фотокопия воспроизведена в издании: *Баталов А.* Сундук артиста. М., 2016. С. 171). Вероятно, поездка Баталова с матерью в Крым была связана с лечением. Ср.: в 1959 году, «когда в Крыму снимали „Даму с собачкой“, я почувствовал что-то неладное со зрением. Диагноз был суров: туберкулез глаз. Требовалось незамедлительное лечение. Работу над ролью Гурова пришлось прервать. Картину остановили. Это была трагедия и для режиссера Иосифа Хейфица, и для всего съемочного коллектива. У меня в кармане был билет до Москвы. Но я почему-то решил на один день задержаться в Симферополе и... невероятным образом попал к феноменальному врачу Надежде Сергеевне Азаровой-Храповой. <...> Профессор Азарова заведовала глазным отделением Симферопольской больницы. Она стала моим ангелом-хранителем <...> В больнице меня навещал другой великий человек — оператор Андрей Николаевич Москвин, настоящий гений, стоявший у истоков отечественного кинематографа. <...> Мне строго-настрого запретили сниматься. Но Москвин сумел как-то уменьшить свет на съемке. И это позволило мне, продолжая лечение, вернуться к роли. Так удалось завершить картину „Дама с собачкой“» (*Алексей Баталов:* Клянюсь врачам до земли. Беседу вел М. Глуховский // *Медицинская газета.* 2007. 12 октября. № 77). Фильм вышел в январе 1960 года. Баталов продолжал время от времени лечиться в Симферополе (см., например: *Кваснецкая М. Г.* Алексей Баталов. М., 2000. С. 72).

¹⁰ Ардов (Зигберман) Виктор Ефимович (1900–1976) — писатель-сатирик, второй муж Ольшевской. Автор воспоминаний об Ахматовой (см. в издании: *Ардов В.* Этюды к портретам. М., 1983). Знакомство Ахматовой с Ардовыми произошло в 1934 году. В 1950–1960-е годы, подолгу находясь в Москве, Ахматова чаще всего жила у Ардовых на Большой Ордынке, 17. В. Е. Ардов не раз брал на себя заботы о бытовых и литературных делах Ахматовой.

¹¹ Из письма В. Е. Ардова А. И. Пузинову от 12 сентября 1960 года по поводу изменений в рукописи ахматовского сборника: «Я вмешался в это дело, ибо Анна Андреевна болеет в Ленинграде и приехать не может. <...> В случае, если возникнет надобность дальнейших переговоров <...> я прошу Вас дать указание редактору обратиться ко мне или Марии Сергеевне Петровых, и мы немедленно свяжемся с Анной Андреевной» (цит. по: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 666–667).

¹² По-видимому, к письму Петровых был приложен перевод:

Сайфи Кудаш

* * *

Присвоив насильственно славу поэта,
 Расплатишься рано иль поздно за это,
 Ее, как любовь, не удержишь силком.
 Она, если вовсе тебя не оставит,
 Замучит изменами, накруг ославит
 И ты сострадания не встретишь ни в ком.

Но если поэтом зовешься по праву,
 Ты нежной подругой почувствуешь славу,
 Тебя ни на миг не покинет она.
 Ты сам, умирая, расстанешься с милой,
 Ты сам позабудешь о ней за могилой,
 И все же она тебе будет верна.

Перевод М. Петровых

12

ЛЕНИНГРАД ВАСИЛЬЕВСКИЙ
 ОСТРОВ БОЛЬШОЙ ПРОСПЕКТ 77
 БОЛЬНИЦА ИМЕНИ ЛЕНИНА 4-Е
 ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ¹
 АННЕ АНДРЕЕВНЕ АХМАТОВОЙ

МОСКВЫ 8 277 22 30 1735=

= ВСЕМИ МЫСЛЯМИ ВСЕМ СЕРДЦЕМ С ВАМИ = МАРУСЯ —²

Новогодняя телеграмма была послана 30 декабря 1961 года, достигла адресата 3 января 1962 года.

¹ Ахматова находилась в ленинградской больнице имени Ленина с третьим инфарктом (подробно об этом: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 686–692; *Ти-менчик Р.* Последний поэт. Т. 1. С. 241–244). Она легла в больницу 3 октября 1961 года (дату сообщила завотделением К. К. Рессер в беседе с О. Е. Рубинчик в 1990-е годы; расшифровка магнитофонной записи хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и в личном архиве О. Е. Рубинчик). Ахматова выписалась из больницы через три месяца, 8 января 1962 года (*Басалаев И.* Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е. М. Царенковой; прим. И. Колосова и Н. Крайневой // *Минувшее: Исторический альманах*. Т. 23. СПб., 1998. С. 578). «...Акума попала к замечательному врачу Ксении Константиновне Рессер, которая с большим трудом выходила ее, буквально спасла, поставила на ноги» (*Каминская А.* «Дома хорошо...». С. 51). По словам Рессер, инфаркт был «тяжелый и обширный»: «Я не могла ее выписать даже тогда, когда она встала, и ходила, и чувствовала себя прилично, потому что у нее дома не было телефона. И если бы понадобилась неотложная помощь, она не могла бы даже вызвать никого. И я все время звонила в Литфонд и требовала, чтобы ей поставили телефон. И сказала, что, пока ей не поставят телефон, я ее не выпишу. <...> когда они поставили ей телефон, я ее выписала». Ср.: «Телефона в новом доме на Широкой не было, он появился почти через год и только потому, что семья писателя П. Н. Медведева, узнав о том, что А. А. Ахматова вернулась после инфаркта из больницы, отказалась от своей очереди, передав ее нам» (*Каминская А.* «Дома хорошо...». С. 41); «Первый телефон в нашем доме поставили Блокам и Анне Андреевне» (*Медведев Ю.* Тень отца на улице Ленина // «Эта пристань есть...». С. 24; Г. П. Блок — литературовед, прозаик, двоюродный брат А. А. Блока).

² Когда Ахматова лежала в московских больницах, Петровых была в числе постоянных ее посетительниц, ухаживала за ней. Ср. ахматовскую запись от 2 декабря 1965 года: «*Больница (Москва)* / Лежу. Сегодня 18-ый день. <...> Приходит кормить меня обедом Маруся Петровых. Ем сама» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 688).

13

Благодарю поздравление.¹
 Обнимаю обеих.² Нежно
 вспоминаю мою музыкальную
 зиму³

Ваша Ахматова

Телеграмма, посланная 9 июля 1963 года, приводится по автографу Ахматовой, хранящемуся в фонде Адмони и Сильман в РНБ (Ф. 1376. Ед. хр. 1908); адреса и дата в тексте не указаны. По-видимому, телеграмма была послана Адмони или его женой по просьбе Ахматовой. В одной из ахматовских записных книжек — черновик этой телеграммы; над ним: «Завтра 9 июля. / Послать телеграмму <...> / Телеграмму Марусе» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 524). В домашнем архиве Петровых такая телеграмма не обнаружена.

¹ Ахматова благодарит за поздравление с недавним днем рождения.

² «Обеих» — Петровых и ее дочь Арину. Головачева Арина Витальевна (1937–2015) закончила Московский текстильный институт и филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук, автор многочисленных работ по славянской филологии, переводчик, владела пятью иностранными языками. После смерти матери на протяжении тридцати лет Арина Витальевна совместно с Никой Николаевной Глен занималась составлением ее сборников. А. В. Головачева — автор мемуарного очерка «Рассказ о кольце, подаренном А. А. Ахматовой М. С. Петровых» (рукопись хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме — Ф. 6. Оп. 1. Д. 3), как и переданное Ариной Витальевной музею в дар кольцо. Фрагменты очерка опубл.: Рубинчик О. Е. «Жемчужин для слез достать мне негде...»: Об Анне Ахматовой // Русский ювелир. СПб., 1997. № 5. С. 60; Позднякова Т. С. «Их связь таинственно ясна...» (Материалы М. С. Петровых в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме). С. 137–138. См. также воспоминания А. В. Головачевой о матери: Потапова А. С. «Дни мелькают — чет и нечет...»: Интервью с Ариной Витальевной Головачевой // «О, какая родина вокруг!...»: К 110-летию со дня рождения М. С. Петровых (1908–1979). С. 64–71; Головачева А. В. Она читала стихи деревьям: Беседовали О. и М. Фигурновы // Время московских новостей. 2002. 27 февр.

³ Текст телеграммы в записной книжке отличается от текста в архиве Адмони и Сильман наличием слова «московскую»: «Нежно вспоминаю мою музыкальную московскую зиму». Ср.: «Зимой Анна Андреевна оставалась редко в Ленинграде. Как правило, она уезжала в Москву и жила в разных местах: то у Ардовых, то у Петровых, то у Ники Глен, то еще где-нибудь. В те редкие случаи, когда она не была в Москве, Ира (И. Н. Пунина. — О. Р.) устраивала ее в комаровский Дом творчества» (Гитович С. В Комарове // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 512). В 1962 году Ахматова много времени провела в Москве. Она останавливалась у Петровых в конце апреля — начале мая (Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 698–699, 871) и с 11 октября по начало ноября (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 529–545). Также она встречала у Петровых Новый 1963 год (см. дневниковую запись Оксмана в публ.: «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 561), после чего провела у нее несколько дней и вернулась к Глен, у которой в основном и прожила осень и зиму 1962 года и январь 1963 года. Ср. запись Чуковской от 10 января 1963 года: «На днях — 6-го или 7-го? Уже не помню — повиладалась с Анной Андреевной. Она по-прежнему у Ники» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 9). Также Ахматова жила у Петровых с 10 по 12 февраля 1963 года (Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 727–728). Кроме того, Ахматова и Петровых часто встречались. «Музыкальность» зимы 1962–1963 годов могла быть связана как с домом Петровых, так и с домом Глен: родители Ники Николаевны были скрипачами, играли в симфонических оркестрах, в комнатах семьи Глен в коммунальной квартире музыка звучала; живя у Н. Н. Глен, Ахматова общалась с ее матерью Раисой Александровной Глен (отец, Николай Владимирович Глен, в 1962 году умер). Что касается музыки в доме Петровых, известна запись Ахматовой от 2 января 1963 года: «Слушаю Гайдну у Маруси» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 275). Музыку у Петровых Ахматова слушала либо на пластинках, либо по радио. Из письма А. И. Головкиной к О. Е. Рубинчик: «Насколько я знаю, Мария Сергеевна никогда не была меломаном. В своих воспоминаниях она говорит о музыке всего один раз, в связи с поездкой в Армению: „Довелось мне послушать чудесные армянские песни“. У Галкиных, где Мария Сергеевна часто бывала с юной Ариной Витальевной, было принято застольное пение. Арина Витальевна красочно описывала, как пела сама вместе со всеми (у нее всю жизнь был хороший голос), но ни разу я от нее не слышала, чтобы М. П. тоже присоединялась к поющим. Марии Сергеевне нравились отдельные произведения отдельных классических композиторов.

Только инструментальные. Оперу она не любила как жанр. Особенно ее раздражало, когда на музыку перекладывали стихи поэтов-классиков, искажая при этом оригинал. Из эстрадных исполнителей М. П. в какой-то степени признавала Вертинского. Но относилась к нему с иронией, с поправкой на жанр, который она воспринимала как „легкий“ и рассчитанный на не самый высокий уровень вкуса. Но в Вертинском она видела прежде всего актера, который создает по-своему завершенный образ лирического героя. Под этим же углом она воспринимала Шаляпина, которого ценила не столько за голос, сколько за его общее сценическое дарование, способность перевоплощаться. А драматический театр был ее страстью. Об этом широко известно. Марии Сергеевне нравилась органная музыка Баха. На похоронах согласно ее завещанию звучала одна из его композиций. К сожалению, не помню, какая именно. „Фантазию-экспромт“ Шопена она очень любила. По просьбе Марии Сергеевны ее часто исполнял Виталий Дмитриевич (Головачев, второй муж Петровых. — О. Р.) на заре их отношений. Исполнение этой вещи требовало сильной техники. А Виталий Дмитриевич все-таки был не пианист, а музыкальный теоретик. Но дама сердца просила, и он играл на пределе своих технических возможностей. Мучился, но играл. Вот, пожалуй, и все, что мне известно о музыкальных пристрастиях Марии Сергеевны. Что подразумевалось под „музыкальной зимой“, честно говоря, ума не приложу. Возможно, А. А. к чему-то ее приобщила».

14

МОСКВА А-284 ХОРОШЕВСКОЕ
ШОССЕ ДОМ 8 КОРПУС 2
КВАРТИРА 11 МАРИИ СЕРГЕЕВНЕ
ПЕТРОВЫХ =

СОСНОВО¹ ЛЕНИНГРАДСКОЙ 5 01 30 1 1745 =

ГОВОРИМ О ВАС ЗПТ СКУЧАЕМ ЗПТ ШЛЕМ ПРИВЕТ ИЗ-ПОД КОМАРОВСКИХ СОСЕН ТОЧКА = АХМАТОВА ЗПТ БОБЫШЕВ² ТОЧКА³ —

Совместная телеграмма А. А. Ахматовой и Д. В. Бобышева от 1 августа 1963 года.

¹ Д. В. Бобышев так ответил на вопрос, почему телеграмма написана в Комарове, а послана со станции Сосново: «На следующий день после посещения АА в Комарове я утром отправился на нашу семейную дачу (следующая остановка за Сосново), сошел с поезда раньше, отправил телеграмму и добрался до дачи автобусом» (из письма Д. В. Бобышева О. Е. Рубинчик от 6 августа 2021 года).

² Поэт, переводчик, литературовед и мемуарист Дмитрий Васильевич Бобышев (р. 1936) познакомился с Ахматовой в 1961 году, входил в «квартет» близких Ахматовой молодых поэтов: Иосиф Бродский, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев, Евгений Рейн. Автор мадригала «Анне Андреевне Ахматовой» («Еще подыщем трех — и всемером...», 1963), цикла памяти Ахматовой «Траурные октавы» (1971) (см., например: Об Анне Ахматовой. С. 450–452), стихотворения «Anno Domini MСMХI» (1997) и «Памятник в снегу» («Анна! Опять она молодая...», 2007) (см.: Связь времен: Литературно-художественный альманах. Сан-Хосе, 2018–2020. № 10. Электронная версия: <http://www.thetimejoint.com/taxonomy/term/4121>; дата обращения: 30.09.2021). Автор воспоминаний об Ахматовой: *Бобышев Д. Я здесь* (Человекотекст). М., 2003. С. 295–346 и др. публикации. Ахматова посвятила Бобышеву стихотворение «Последняя роза».

³ Телеграмма опубликована на сайте «Московский фонд Марии Петровых»: <https://vk.com/club139428597>; дата обращения: 30.09.2021. Бобышев вспоминает: познакомившись с Ахматовой, он не раз говорил с ней о Мандельштаме; «Мне нравилось, что Ахматова, непревзойденная именно в любовной лирике, ставила превыше всех прочих его стихи, посвященные Марии Петровых. / — Было еще одно, о белом цвете, но оно пропало, — говорила она. / Когда я поведал, что чуть не плакал от восторга и жалости, читая стихи „Назначь мне свиданье...“ самой Петровых, единственные, что мне были тогда известны, она была тронута. Их она ставила вровень с мандельштамовскими, которые смиренно называла „лучшими любовными стихами XX столетия“. / — Надо вас познакомиться с Марусей, она будет рада, — добавила Ахматова. <...> Будучи в Москве, я, конечно, отправился познакомиться с Марией Сергеевной к ней на Веговую. <...> Замечательная поэтесса держалась замкнуто, разговаривала тихо, расспрашивала об Анне Андреевне. Выслушала стихи и долго отнекивалась, когда я попросил ее почитать. Когда я уже потерял надежду, вдруг прочитала одно стихотворение, но какое! Это было „Дальнее дерево“ <...> Несомненно, в листе этого дерева, напоминающего нашу северную осину, обнаружился психологический портрет ее самой. Вернувшись, я рассказал о московских впечатлениях при встрече с Анной Андреевной. Мы хорошо и тепло поговорили о Марии Сергеевне. Ахматова предложи-

ла отправить ей телеграмму, как это было принято между ее друзьями в прежние времена» (*Бобышев Д.* АХМАТОВА ЗПТ БОБЫШЕВ ТОЧКА // Эмигрантская лира: Литературно-публицистический журнал. 2019. № 1 (25). <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/bobishev-dmitry/2019-1-1>; дата обращения: 30.09.2021). Ср. несколько иную версию: «...я был у Ахматовой в Комарове и рассказал о впечатлениях, которые произвели на меня стихи Петровых, опубликованные в „Дне поэзии“, — „Назначь мне свиданье на этом свете...“ Я уже знал тогда о судьбе Марии Сергеевны: о ее психологической травме в связи с тем, что Мандельштам на допросе в НКВД назвал ее среди слушателей своей опасной эпиграммы. <...> Ахматова рассказала тоже, как она пыталась из той психологической травмы вытащить Марию Сергеевну и как ей это в конце концов удалось. А телеграмма... Поскольку мы так тепло о ней говорили, то Анна Андреевна предложила по их дружескому обычаю еще прежних лет посылать телеграммы третьим лицам — друзьям, которых нет рядом в этот момент. <...> она продиктовала...» (*Бобышев Д.* «Талант в том, чтобы минус превратить в плюс...» / Беседовала Л. Газизова // Сайт «Интерпоэзия»: <http://interpoezia.org/content/talant-dushi-v-tom-chtoby-minus-prevratit-v-plyus/>; дата обращения: 30.09.2021). Бобышев говорит об издании: День поэзии 1956. М., 1956.

15

Комарово Лен<инградск>ой
обл. дача Литфонда
Анне Андреевне Ахматовой

Из Москвы № 30208
16 сл. 3 го 12 ч. 01 м.

Очень обрадовалась телеграмме сердечный привет Бобышеву = Ваша Маруся

Телеграмма от 3 августа 1963 года (?). Написана почтовым служащим на бланке от руки, почтового штемпеля нет.

16

МОСКВА БОЛЬШАЯ ОРДЫНКА 17
КВ 13 ОЛЬШЕВСКОЙ ДЛЯ
ПЕТРОВЫХ =

КОМАРОВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ 306 28 15 1550 =

МАРУСЯ ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЧАСТО ДУМАЮ О ВАС БЕСПОКОЮСЬ
ЗДОРОВЬЕ НАСТРОЕНИИ ПРИЕДУ ГОРОД ПОЗВОНЮ¹ ЦЕЛЮЮ КРЕПКО
ВАС ОБЕИХ = ВАША АХМАТОВА =

Телеграмма от 15 июля 1964 года.

¹ Ср. рассказ Каминской о даче в Комарове: «Быт был нелегким: печное отопление, отсутствие водопровода, правда, колодец рядом, почти под окном <...>. Первые годы мы жили с керосиновой лампой, электричество и газ (в баллонах) появилось позже, что значительно облегчило жизнь. Отсутствие телефона часто создавало напряжение, приходилось ходить на почту, полтора километра, которая работала только по будням, до шести, кроме того, связь с городом не всегда работала» (*Каминская А. Г.* «Дома хорошо...». С. 41).

17

Маруся!

Как я завидую нашему другу Владимиру Григорьевичу,¹ что он может звонить Вам; а мне еще не добраться до почты. Мы грустим, что Вы не с нами.²

Посылаю Вам Тувима.³ Если можно, я взяла бы еще: переводить было не так противно, как всегда.⁴

Когда наши тагорские усилия⁵ увенчаются успехом, т. е. когда будут платить хотя бы за 7-й том?⁶

Чуть ли не в день отъезда из Москвы⁷ кто-то позвонил мне и слезно умолял переводить Саломею Нерис.⁸ Узнайте, пожалуйста, не гослитская ли это затея и с кем надо вести переговоры.⁹

Ваша осинка трепещет под моим окном и кланяется Вам.

Привет общим друзьям.

Целую Вас и Аришу.

Не забывайте

Вашу Ахматову

16 июля 1964

Комарово

Р. С. А может быть, можно уже получить договор на Тувима?¹⁰

Авторизованная машинопись. Слова «Вашу Ахматову» и все дальнейшее написано рукой Ахматовой.

¹ Адмони.

² «Мы» — Ахматова и Найман, напечатавший это письмо на машинке. В это время он часто бывал у нее в Комарове (см.: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 782–784).

³ Шла подготовка издания стихов польского поэта, прозаика и переводчика Юлиана Тувима (1894–1953): *Тувим Ю.* Стихи / Сост. М. Живова; вступ. статья Д. Самойлова; под ред. М. Петровых; прим. Б. Стахеева. М.: Гослитиздат, 1965. Переводы А. Ахматовой (пятнадцать), М. Петровых, М. Зенкевича, В. Звягинцевой, Б. Слуцкого, А. Штейнберга и др.

⁴ К работе над переводами некоторых произведений Тувима был подключен Харджиев (*Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой. С. 232). Письма Ахматовой показывают и активное редакторское участие со стороны Петровых. Но трудно сомневаться в том, что большинство стихотворений Тувима переведены Ахматовой или, по крайней мере, со значительным ее участием, иначе она вряд ли писала бы одной из своих молодых подруг, прозаику Г. П. Корниловой: «Я кончила переводить Тувима. Посмотрите переводы у Нины Антоновны (Ольшевской. — О. Р.) — может быть, Вам будет интересно» (*Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1996 / Сост. и подг. текста М. М. Кралина. Т. 2. С. 251; письмо от 17 июля 1964 года). Есть среди переводов и сделанные в полную ахматовскую силу: «Цыганская библия», «Вечерние стихи». Сохранились ахматовские автографы нескольких переводов Тувима (см., например: РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 382. Л. 2; Ед. хр. 388. Л. 1; и др.). Ее переводы этого поэта собраны в издании: *Ахматова А. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 461–471. Один из семнадцати включенных в том текстов переводом не является: это прозаический подстрочник стихотворения «Умер», записанный с соблюдением строфики оригинала (машинопись подстрочника с пометами рукой неизвестного лица находится в фонде А. А. Ахматовой в РНБ: Ф. 1073. Ед. хр. 400). Стихотворение «Умер» Ахматова не переводила, оно публиковалось в переводе В. Левика. О переводах Ахматовой с польского языка см., в частности: *Рубинчик О.* «Любой цветок прочтет канцону Зосе...». Польские поэты в переводах Анны Ахматовой // Новая Польша [Электронный журнал]. 1 октября 2020 года. <https://povaupolsha.pl/article/lyuboi-cvetok-prochtet-kanconu-zose-polskie-poety-v-perevodakh-anny/>; дата обращения: 30.09.2021.

⁵ Тагор Рабиндранат (1861–1941) — индийский поэт, прозаик, драматург, композитор, художник, общественный деятель; лауреат Нобелевской премии по литературе (1913). Писал на бенгальском языке. Его произведения много публиковали в СССР, поскольку он испытывал симпатию к некоторым идеям социализма и в 1930 году побывал в России. Петровых переводила Тагора, памятником чему стало ее ироническое стихотворение: «Быть может, это нездорово, / Но мною с некоторых пор / Под знаком Ильфа и Петрова / Воспринимается Тагор <...> Я столько с ним хлебнула горя, / Что больше... Нет, благодарю» («Переводы Тагора», см.: *Петровых М. С.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 339). Ахматова работала над Тагором с 1956 года: «Прочитала мне черновик своего перевода из Рабиндраната Тагора — „Счастье“. — Как вы думаете, продолжать или бросить? Очень скучные стихи» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 221; запись от 5 августа 1956 года). Первые ахматовские переводы были напечатаны в 1957 году в седьмом томе издания: *Тагор Р.* Соч.: В 8 т. / Под ред. В. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1955–1957. Последующие делались для седьмого и восьмого тома Собрания сочинений: *Тагор Р.* Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е. Быковой, А. Гнатыюка-Даниль-

чука, В. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1961–1965. В работе неофициально принимал участие Найман. Из письма Ахматовой к Найману от 31 марта 1964 года: «Мы просто будем жить как Лир и Корделия в клетке, — переводит Леопарди и Тагора и верить друг другу»; «А в другой раз, когда свою часть прочитал я — правда, это был уже Тагор, — она, отвлекшись, как я заметил, посередине чтения, спросила подчеркнуто светским тоном: „Это уже перевод или еще подстрочник?“» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 157, 159). Мемуаристы сохранили жалобы Ахматовой на эту работу, от которой болела голова, «на чуждость ей Востока, на то, что там в литературе нет юмора» (Иванов Вяч. Вс. Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 493). Приведем самое радикальное ахматовское высказывание о Тагоре: «Я его люто ненавижу. Это все слова, океан слов, которые ничего не значат» (Глекин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. С. 158; запись от 7 февраля 1961 года). Однако 20 мая 1964 года Чуковская записала: «Анна Андреевна снова пожаловалась на редактора, торопящего ее с переводами Тагора. И тут впервые я услышала от нее лестный отзыв об этом поэте: — Он хорош. Я не любила его потому, что он чудовищно искажен переводами» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 216). Найман вспоминает: «Через несколько дней после того, как были сделаны последние переводы Тагора, она в первый раз сказала: „Он висел надо мной как долг... Но он великий поэт, теперь я это вижу. Дело не в отдельных гениальных строчках — „Странник, не бойся, не бойся, в ненастье ты под защитой богини несчастья“, не в отдельных стихотворениях вроде „Отпусти“, а именно в этом мощном потоке поэзии, который, как в Ганге, черпает силы в индуизме и называется Рабиндранат Тагор“» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 159–160). 27 мая 1964 года, в день смерти индийского политика, соратника Махатмы Ганди Джавахарлала Неру Ахматова отметила в дневнике: «Смерть Неру. Особенно горестно после Тагора и приближения к буддизму, кот<орым> я живу последнее время...» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 464).

⁶ В дневниках Ахматовой с Тагором связано множество записей, они касаются работы над переводами, телефонных разговоров с редактором Гослитиздата А. Ш. Ибрагимовым и с Петровых и встреч с ними, денежных расчетов и др. Деньги за Тагора Ахматова получала порциями, по нескольким договорам. Запись Ахматовой от начала февраля 1964 года: «Перевели на Ордынку 270 руб. за антологию и за Тагора» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 433). По ахматовским подсчетам, сделанным в мае 1964 года, за Тагора причиталось 18966 рублей; «Тагор — 300 стр<ок> (VII т.) <...> / Тагор — 750 (VIII т.)» (Там же. С. 460, 546). Но и в августе 1964 года деньги еще не были выплачены: «Тагор. <...> / В конце года окончить расчет тт. VII, VIII...» (Там же. С. 482, 545). Ахматовская ретроспективная запись о 24 ноября 1964 года: «Я — в Гослите. Деньги за 8-ой том Тагора» (Там же. С. 581). В феврале 1965 года Ахматова вновь напоминает себе о деньгах за седьмой том и 8 октября 1965 года пишет о каких-то предстоящих расчетах за Тагора (Там же. С. 585, 746). Из письма Головачевой армянскому литературоведу и писателю, другу Петровых Л. М. Мкртчяну: «А. А. получала маленькую пенсию (сначала 40 руб., потом 70) и, конечно же, очень нуждалась. Сдав в издательство очередную работу, она, по словам моей мамы, полагала, что деньги ей будут выплачены немедленно, и очень удивлялась, что вот уже прошло несколько месяцев, а денег все нет. Мама говорила об этом с юмором и одновременно с умилением: таким трогательным казалось это детски-нетерпеливое ожидание» (Саакянц К. О работе Л. Мкртчяна над книжкой «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» // *Banber Yerevani hamalsarani. Russian Philology*, 2018. № 1 (10). С. 11).

⁷ Ахматова вернулась из Москвы в Ленинград в свой 75-летний юбилей, 23 июня 1964 года, и сразу уехала в Комарово. О 24 июня 1964 года: «Боясь торжество, она, как всегда, проводит этот день в Комарове, чтобы, как она говорила, „Не быть ни в Москве, ни в Ленинграде“. Но тем не менее комаровская почталыонша не слезает с велосипеда, доставляя пачками поздравительные телеграммы. <...> Званных гостей не было. Были только свои» (Гитович С. В Комарове. С. 517–518).

⁸ Нерис (Бачинскайте-Бучене) Саломея (1904–1945) — литовская поэтесса и переводчица. С 1920-х годов исповедовала прокоммунистические взгляды, участвовала в подпольной работе. За сборник «Демядисом зацвету» ей была присуждена Государственная премия Литвы (1938). Посмертно Нерис получила Сталинскую премию (1947) и звание народного поэта Литовской ССР (1954). В переводе Петровых был издан ее сборник «Сквозь посвист пуль» (М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1943). «Все знали в Литве, что Ахматова переводила известную нашу поэтессу Саломею Нерис, которая считалась аналогом Ахматовой в литовской поэзии и сама в юности Ахматову переводила» (Венцлова Т. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. С. 79). В начале 1950-х годов Ахматова перевела двенадцать стихотворений Нерис и фрагменты из поэмы «Литва — земля родная» (договор был заключен с Гослитиздатом 23 августа 1952 года, см.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 547). Тексты были опубликованы в сборнике Нерис «Стихотворения и поэмы» (М.: Гослитиздат, 1953). Он открывается «Поэмой о Сталине» 1940 года в переводе М. Зенкевича, в книгу вошли также некоторые стихи и поэма-сказка «Эгле, королева ужей» в переводе Петровых. В записных книжках Ахматова включала

има Нерис в списки переведенных ею поэтов и в библиографию переводов своих стихов. Подробную справку об Ахматовой и Нерис см. в статье: *Тименчик Р.* Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // *Пермяковский сборник: В 2 ч. / Ред.-сост. Н. Мазур. М., 2010. Ч. 2. С. 588–589.*

⁹ В 1960-е годы Ахматова Нерис не переводила.

¹⁰ По-видимому, договор на переводы Тувима был оформлен не в начале, а в конце работы.

18

Переводы Тувима
выслала заказным
Гослит. Целую.
Ахматова.

Телеграмма, датируется по содержанию — около 19 июля 1964 года. В домашнем архиве Петровых отсутствует. Приводится по ахматовскому черновику в записной книжке (РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 8 об.), где тексту предшествует заголовок: «*telegramme*» М. Петровых». Впервые опубли.: *Записные книжки Анны Ахматовой. С. 547.*

19

Дорогая Маруся!
Еще раз спасибо за все.¹ Если б Вы знали, какая Вы чудная комаровская!²
Семену напишу сегодня же.³
Как там наш переводчик с тамильского?⁴ Он что-то притих.
Когда будете на Басманной,⁵ передайте мои приветы и приглашения Нике и Юле.⁶
Что слышно на легендарной Ордынке? Как Нинин Минск?⁷
Когда буду в городе, сделаю попытку позвонить Вам.
Шлю оставшегося Тувима.⁸ Поцелуйте от меня Аришу.
Целую.
Всегда Ваша Ахматова
9 сентября 1964
Комарово
Привет от Вашей осинки.

Авторизованная машинопись. «Целую» и дальнейшее написано рукой Ахматовой. Об этом письме в числе писем другим адресатам — запись от 9 сентября 1964 года: «Письма: [<...> / Марусе Петровых <...>] / отправлены» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 555).

¹ В августе 1964 года Петровых с дочерью отдыхала в Комарове в Доме творчества писателей, часто бывала в гостях у Ахматовой и помогала ей в издательских делах. Такие выводы можно сделать из ахматовских комаровских записей: от 28 июля 1964 года — «Жду приезда Нины Ардовой, Маруси Петровых, Н. И. Харджиева»; от 4 августа 1964 года — «Вечером <были> Маруся с Аришей»; «Начать улаживать гонорар (60%) за „Книгу переводов“ (Via Маруся — Юля (Ю. М. Живова. — О. Р.) — Изд<ательст>во.) / Заглавие — „Голоса поэтов“. Сегодня (15 авг<уста>) из письма Ники к Марусе выясняется, что договор, который послан заказным, еще не получен в Москве. / (15 авг<уста> 1964. Будка); «26 августа 1964 (Комарово): / <...> / telegramme» Озерову вместе с Берковской и Марусей Петровых. / <...> / Вечером Маруся с Аришей» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 476, 478, 480, 483). В домашнем архиве Петровых хранится посланное в Комарово письмо Грандичко от 19 августа 1964 года, в котором он обращается к Марии Сергеевне и ее дочери.

² Можно предположить, что речь идет о фотографии или фотографиях Петровых, сделанных в Комарове. Из письма А. И. Головкиной к О. Е. Рубинчик: «Фотографиям М. С. в Комарове сама была бы несказанно рада. Но увы, у нас таких нет».

³ Реакция на известие, что у С. И. Липкина умерла мать. Письмо ему было написано не в тот же день, а 18 сентября: «Дорогой Друг, / с ужасом узнала о постигшем Вас горе...». Черновик:

Записные книжки Анны Ахматовой. С. 489. Письмо от 18 сентября 1964 года включено также в публикацию переписки двух поэтов: С. И. Липкин и А. А. Ахматова. Из истории взаимоотношений / Публ. И. Л. Лиснянской; подг. текста и прим. Д. Полищука // Липкин С. Угль, пылающий огнем...: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М., 2008 (Записки Мандельштамовского общества; т. 15).

⁴ Тамильский язык распространен на юге и юго-востоке Индии (официальный язык штата Тамилнад), в Шри-Ланке, в Малайзии и других странах Юго-Восточной Азии. «Переводчик с тамильского» — Алев Шакирович Ибрагимов (1925–1999), индолог, один из авторов «Русско-тамильского словаря» (М., 1965), переводчик стихов и прозы, перевел памятник древнетамильской поэзии «Тирукурал» и многое др.; поэт (*Ибрагимов А.* Вишни: [Сб. стихов], М., 1989). В 1943 году добровольцем пошел на фронт, получил орден Красной Звезды и другие боевые награды. Ибрагимов переводил не только с тамильского, но и с других индийских языков, а также с турецкого, с среднеазиатских и европейских языков. Когда в Гослитиздате выходило двенадцатитомное собрание сочинений Тагора, Ибрагимов был старшим редактором Восточной редакции этого издательства. С Ибрагимовым связана и работа Ахматовой по переводу поэзии Древнего Египта. Сохранилась авторизованная машинопись письма Ахматовой к Ибрагимову от 26 августа 1964 года, где она сообщает, что в связи с предстоящей поездкой в Италию не сможет в ближайшее время перевести «древнеегипетские папирусы» (РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 680. Л. 3). Ибрагимов был редактором издания: Лирика Древнего Египта / Пер. с египетского А. Ахматовой и В. Потаповой; сост., вступ. статья, подстрочные переводы и прим. И. Кацнельсона. М.: Гослитиздат, 1965. Он редактировал также посмертное издание ахматовских переводов «Классическая поэзия Востока» (1969). Дневники Ахматовой показывают, что в годы совместной работы Ибрагимов не раз у нее бывал; Ахматова за глаза шутливо называла его младотурком (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 563, 598; *Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. С. 161, 168). Внук А. Ш. Ибрагимов рассказывает о деде: «...отец был турком, мать — татаркой. Турецкие корни дед не афишировал, и называл себя татариним. Во-первых, потому что во время Второй мировой войны Турция занимала прогерманскую позицию. Во-вторых, прадед покинул Турцию, опасаясь, что за ним придут и поставят к стенке за поддержку коммунизма. Прабабушка увезла прадеда в СССР (работала в Турции по линии МИДа). В СССР прадед работал инженером, дослужился до должности технического директора фабрики „Спортинвентарь“ общества „Динамо“. Только за ним пришли. Назвали врагом народа. Не вернулся. Реабилитировали позже, посмертно. Дед был сыном врага народа, с вытекающими последствиями. И беспартийным. Статус сына врага народа ограничивал возможности деда в учебе и работе. Что-то он смог получить в Педагогическом институте им. В. П. Потемкина на отделении английского языка, но, по-видимому, доучивал языки уже сам. В каких-то случаях у него были „учителя“ — татарский знала прабабушка, с тамильским помогал Сома (литератур Пурнам Сомасундарам), которого сейчас называли бы „нейтив спикер“. Но он много учил и сам, по учебникам, словарям. Слова учил промышленными масштабами — кажется, по сто в день. До работы переводчиком дед работал учителем английского в школе <...>. Еще был учителем в вечерней школе <...>. Работая учителем, параллельно вечерами изучал грамматику, учил слова, читал что-то. Мой отец говорит, что дед мог общаться не только на английском, но и на почти любом среднеазиатском. Ездил во Францию, там смог говорить на французском. Так как были командировки в Индию, то, вероятно, мог общаться и на индийских языках... Алев Шакирович был человеком с большой буквы. Добрый, веселый, жизнерадостный. Заботился и защищал других. Работал как заведенный до последних часов жизни. Любил свое дело. До войны хотел стать художником. На войне был радистом. Как сыну врага народа ему было сложно в жизненном пути. Благодаря К. И. Чуковскому и его письменной рекомендации он смог стать переводчиком. В семье считается, что Чуковский дал ему путевку в жизнь. Дальнейшее — труды самого Алева Шакировича. Но шанс появился именно благодаря Чуковскому. Скан этого письма у меня сохранился... Я застал деда, будучи совсем мальчишкой...» (из электронного письма Ш. Ш. Ибрагимова к О. Е. Рубинчик от 31 августа 2021 года). Рекомендация Чуковского (автограф): «В „Литературный институт“. / Я познакомился со стихотворными переводами т. Ибрагимова. Конечно, это не профессиональная работа, но дарование молодого поэта не подлежит для меня сомнению. Горячо рекомендую его в студенты Литературного института. / Корней Чуковский / Переделкино / 1946, июль». В Литературном институте А. Ш. Ибрагимов не учился. По-видимому, не был принят — как сын «врага народа». Об А. Ш. Ибрагимове см.: *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 213, 416; *Сомасундарам П.* Советские тамилиты / Пер. с тамильского К. Ворониной // Российский государственный гуманитарный университет. http://tamil.ivka.rshu.ru/article.html?id=2627972#_edn13; сайт А. Ш. Ибрагимова: <http://alev-ibragimov.tilda.ws>; сайт «Память народа»: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36138754/; даты обращения: 30.09.2021.

⁵ Адрес Гослитиздата: Москва, ул. Новая Басманная, д. 19.

⁶ Живова Юлия Марковна (1925–2010) — специалист по польской литературе, переводчица, с 1948 года — редактор Гослитиздата. «...Редакция стран Восточной Европы в „Худлите“ —

это была совершенно особая вещь. Там собрались люди, которые сами ходили по грани: там была, скажем, Ника Глен, одна из ближайших подруг Ахматовой и хранительница части ее архива, там была Юлия Марковна Живова <...> Хорошо, что была сравнительно вегетарианская эпоха, а то бы этим людям греметь самым дальним этапом» (Борис Дубин о временах Борхеса и начала социологии (беседа с Л. Борусьяк) // www.POLIT.ru/analytics/2009/10/25/dubin1.html; дата обращения: 30.09.2021). «Гослитиздат был не единственным, но главным прибежищем для оголодавших поэтов в советском царстве сталинской эпохи», Живовой «довелось в 60-е годы спасать переводами уже совсем иное поколение поэтов — от Бориса Слуцкого и Давида Самойлова до Иосифа Бродского» (*Витковский Е. В.* Русское зазеркалье (Русский перевод XX века) // <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vitkovskij-evgenij/protiv-entropii-statji-o-literature/13>; дата обращения: 30.09.2021). Живова познакомилась с Ахматовой в 1950-е годы. В записных книжках имя «Юля» встречается множество раз: и в связи с переводами для Гослитиздата, польскими и не только, и в списках тех, кому дать рукопись впервые набранного на машинке «Реквиема», и — «с Юлей в сберкассе» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 405). «Ника Николаевна и Юлия Марковна были рыцарями Ахматовой, хранившими ей абсолютную верность» (Из письма к О. Е. Рубинчик литературоведа О. С. Фигурновой, близко общавшейся с Н. Н. Глен и Ю. М. Живовой в последние годы их жизни, 2010). См. также некролог: *Рубинчик О. Е.* Юлия Марковна Живова // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. / Сост. и науч. редактор Г. М. Темненко. Симферополь, 2010. Вып. 8. С. 284–295; то же: *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 33 (http://www.utoronto.ca/tsq/33/tsq_33_rubinchik.pdf; дата обращения: 30.09.2021).

⁷ Ср. «...Нина Антоновна <...> уехала в Минск ставить в тамошнем театре спектакль, — и в сентябре ее разбил неожиданный инсульт. Ахматова тяжело и остро переживала это несчастье, сразу попросила меня слетать в Минск, я звонил ей оттуда, сообщал о состоянии больной. Болезнь приняла затяжной характер...» (*Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. С. 179). 13 октября 1964 года Ахматова писала Ольшевской: «Нина, наверно, мне не надо говорить Вам, что я все время с Вами...» (*Герштейн Э. Г.* Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой. С. 274). Дневниковая запись от 14 октября 1964 года: «Болезнь Нины сделала меня калекой»; от 24 ноября 1964 года: «Я — у Нины. Глубокое потрясение» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 492, 581).

⁸ Ср. запись от 7 сентября 1964 года: «Тувим, исправить два стих<отворения> и послать Марусе» (Там же. С. 554).

20

25 окт<ября 1964 года>

Маруся,

вот перевод¹ — простите за упаковку, у меня, конечно, нет большого конверта.

Скучно ничего о Вас не знать.

Я уверена, что Вам с этим переводом придется еще повозиться. Я была все время совсем плохой — это сказалоь и на работе.

Почему-то начинаю приходить в себя.

Целую.

Ваша Ахматова

Привет С. Я.² и Липкину.

Письмо не предназначалось для пересылки по почте. На конверте рукой Ахматовой написано: «Марии Сергеевне / Петровых / (тел. Д. 3-00-80. доб. 29) / От Ахматовой».

¹ Возможно, речь идет о доработанных переводах ряда стихов Тувима.

² Маршаку.